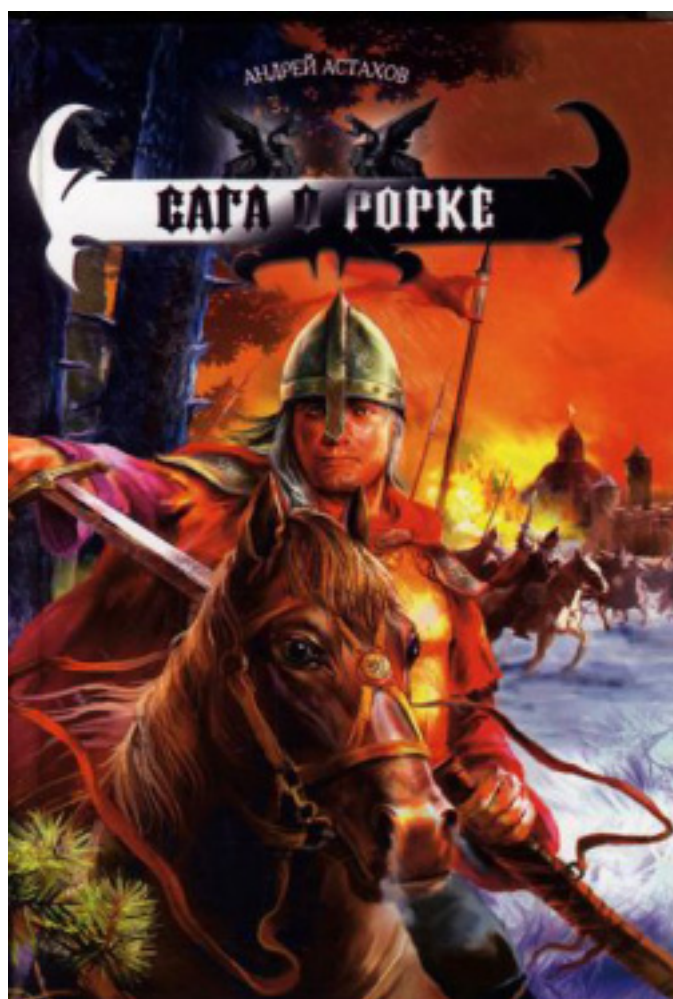

Андрей Астахов

Сага о Рорке

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160955
Сага о Рорке: Ленинград, Лениздат; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 5-289-02479-4

Аннотация

Пророчества говорили о нем задолго до его рождения. Сын славянской княжны и варяжского воина, он был объявлен проклятым. Боги Севера наделили его таинственной силой. Ему предопределено стать великим правителем своего народа. Но прежде ему предстоит встретиться с жестоким Королем-Зверем и его зачарованными рыцарями, одолеть необоримую мощь черной магии и человеческого коварства. И кто знает, будет ли дописана сага о его подвигах до конца?

Содержание

Пролог	4
Часть I	7
I	7
II	16
III	22
IV	29
Часть II	45
I	45
II	53
III	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Астахов

Сага о Рорке

Если древние воины были способны на это, то почему мы не можем быть способными? Люди остались теми же.

Хагакурэ Бусидо

Пролог

Луг был ярким, цветущим, весенним и каким-то золотистым. Над сплошным ковром одуванчиков вставали более высокие травы и цветы, иные выше мальчика лет пяти, игравшего на лугу. Дальше был край леса, густого и древнего, сырого и темного, но здесь было солнце – много яркого животворящего солнца. Пресветлый Ярила царил в небе, щедро даря миру свое тепло. Так что луг был залит ярким золотым сиянием.

Мальчик, задрал лицо, сквозь прищуренные глаза смотрел на солнце. Бегать он не мог – залатанная рубаха из домотканого холста была слишком длинная ему, и он падал, спотыкаясь о подол, всякий раз, когда пытался побежать. В длинных мягких волосах, белых, как чесаный лен, укрылись травинки, нос был желтоватым от пылицы. Какие-то цветы нависли над ним – странные, бледно-желтые и фиолетовые, со странным запахом. Мальчик взмахнул палкой. Ударил по стеблям. И поднялся ветер, будто от взмаха его палки.

– Вой¹ есмь, – сказал мальчик, глядя на солнце.

Глаза у него будто впитали солнечное золото. Таким бывает удивительный камень, который выбрасывают волны на берег Варяжского моря. У антов такие глаза редкость. Впрочем, мальчик об этом еще не знал.

– Рорк, иди домой! – пронеслось над лугом. – Сыночек, домой!

Мальчик обернулся. Мать в мужской рубахе и куртке и охотничьих пончохах² стояла у края леса, опираясь на рогатину. Рядом стоял рослый муж лет сорока пяти с окладистой бородой, одетый землешлемом – но держался он, как воин.

– Смотри, Мирослава, растет твой богатырь, – сказал мужчина. – Пятый годок ему пошел. Как думаешь дальше жить-то?

– Как жили, так и будем, – ответила женщина. – Лес нас укроет.

– Делево от людей скрыться. Не приведи боги, жонки-грибницы заметят тебя или мальчика, или ахоха³ какой на сруб ваш в лесу наткнется.

– Идти нам некуда, отец, – синие глаза Мирославы подернулись холодом. – Может, зараз хазарам в ясырь продаться?

– Джуда-хан со мной говорил, – после паузы сказал мужчина. – Гонца прислал, руки твоей просил. Сказал, с сыном возьмет.

– Хазарину веры нет, – Мирослава мотнула головой. – Сладкими речами блазнит, но обманет. Рабыней своей, подстилкой сделает для утех, неино⁴ торговцам рабами продаст за пару гривен. Пошто, отец, Турну запретил к нам ходить?

¹ Вой – воин.

² Пончохи – гетры.

³ Ахоха – бродяга.

⁴ Неино – или.

– Световид прознал о том, что варяжин к тебе ходит, – вздохнул князь. – Говорит, прознают другие про Турна, скрывать вас больше не получится. Турн муж честный, но как все честные глуп. Наведет на ваш след кого не надо.

– Боишься? – Мирослава сверкнула глазками. – Волхвов боишься? А ведь ты князь. Внук твой в лесу растет, аки зверь дивий.⁵ Зайцев и тетеревов руками ловит, следы зверя по запаху находит.

– Жаль мне его, но через волхвов сказано было, проклятие на муже твоём и на сыне вашем. Не я то сказал – Световид. Он на потрохах звериных гадал. Многая кровь через сына твоего прольется. Ждать надо.

– Пять лет жду. – Мирослава отбросила с лица тяжелые русые волосы. – Сама, будто нежить лесная, от людей отвыкла.

– Нет в том греха твоего, Мирослава. Мой это грех, моя вина. Я вас скрываю здесь, будто не дети вы мои, а нечисть, человечину ядущая. Помыслил я, может, вам в Варяжию отправиться? Рорк ведь по отцу урман. И Турна с вами пошлю, пусть мальцу пестуном будет.

– Родина Рорка здесь, отец. Ант он, твоего народа и твоей крови. Нечего земли его лишать. Мне ведь тоже видение было...

– Видение?

– Знаю я, что сын мой первым среди антов станет. Придет день. Он народу своему поможет крепко... ты не бойся, отец. В Лес Дедичей люди не ходят, зачарованное это место, богам и духам посвященное. Волхвы же поклялись и Сварогом, и прочими богами роту свою соблюсти. А я... я сына взращу воином. Проклят он? И пускай. Мне он милее всех, моя кровь, мое утешение.

– Он внук мой, – с неожиданной теплотой сказал бородач. – И я о нем пекусь, и у меня душа о нем болит. Но анты его не примут. Вера наша его отвергла. Страшная печать на нем, однако нельзя заставлять его страдать. У хазар или у варягов до него дела никому не будет. Станет он тайдуном⁶ хазарским. Или ярлом варяжским. Или не прав я, доня?

– Он и есть ярл варяжский. А тайдуном ему не быть. Не буду я хазарской наложницей.

– Ладно, – вздохнул князь, провел ладонью по бороде. – Я там... привез вам немного. Мучицы, яблок моченых, холста. Что надо, скажи.

– Наконечники для стрел, – не раздумывая, ответила Мирослава. – Научу сына из лука стрелять.

– Добро, дочка. Добро...

Мальчик разговора не слышал. Он смотрел вдаль, туда, где за лесом на пологих холмах высились бревенчатые стены большой крепости. Мальчику давно хотелось там побывать, но мать почему-то ни разу его не водила. Мальчик не задумывался, почему – у него хватало других игрушек.

Далекий раскат грома заставил всех посмотреть на небо. Туча с запада медленно приближалась к солнцу.

– Рорк, домой! – позвала Мирослава.

Мальчик припустился было бегом, споткнулся, растянулся на траве. От боли и неожиданности он заплакал, но мать уже была рядом. И Рорк успокоился. Рядом с мамой он не боялся ничего, даже этого странного бородатого человека, стоявшего поодаль и наблюдавшего за ними.

Ярила на небе вступил в полдень. Наблюдавший за внуком Рогволод, князь северных антов, улыбнулся в бороду, и Мирослава заметила эту улыбку.

⁵ Дивий – дикий.

⁶ Тайдун – вельможа.

– Пора тебе, отец, – сказала она и добавила с любовью: – Добродий⁷ ты наш...

Рогволод поднял и прижал к груди внука, поцеловал дочь и рассеянно направился к своему мерену, привязанному у края леса. Он чувствовал, что дочь и внук смотрят ему в спину. Хотелось вернуться, но душу точил смутный страх, как бы кто из дружины не вздумал отправиться следом за своим князем – и тайна, которую князь хранил уже пять лет, раскрылась бы.

Тайна, которую звали Рорк.

Мальчик, которого уже пять лет считали похищенным хазарами.

Ребенок, которого волхвы антов объявили проклятым.

⁷ Добродий – добродетель.

Часть 1 Волчонок

*Дома в собачьей шкуре, из дома – в тигровой шкуре.
Сакино Ямамото*

I

Был тот неуловимый призрачный час, когда ночь начинает уходить, сменяясь зарей, и за красным окном княжеского терема стало сереть, словно ветер, подувший с большого холодного озера перед рассветом, разогнал мрак, царивший над землями северных антов с полуночи. Свеча передавала мир Яриле. Однако кур⁸ еще не пропел, и Зло вошло в ночь неслышно и незаметно.

Таинственная черная птица появилась внезапно, мелькнула неуловимой тенью за слюдяными окнами и опустилась сгустком мрака на охлупень княжеского дома. Ее тоскливый загробный крик наполнил холодом сердце старого Рогволода. Вещая злая птица, словно издеваясь над немощью князя, крикнула еще, и еще, и еще.

Князь собрал все силы, приподнялся на локте. Долгая хворь источила его, будто злой червь могучее дерево, обескровила, и даже чувства, казалось, начали изменять Рогволоду. Он оказался на грани сна и яви, в том сером призрачном мире, из которого и прилетела к нему зловещая птица. Мрак перед взором князя сгущался, багровел, клубился влажным зловонным паром, совсем как тот мертвящий туман, который в лихие годы наплывал на земли антов с Навых Низин, принося на своих белесых призрачных крыльях черную немочь. Снова заголосила черная птица, и Рогволод ясно услышал тихий, рвущий душу плач – где-то далеко словенская женщина голосила над покойником.

Клубящийся туман окрасился пурпуром, разорвался языками пламени. Будто стена рухнула перед взором князя. Без умолку голосила злобная птица, творя желю⁹ над головой князя антов, и громы сотрясали почерневшее небо, осыпая на землю звезды. Изломанные исковерканные тени на черных крыльях проносились в стороны, вверх и вниз, вопя и заводя к небу перекошенные от боли и ужаса лица, белые, с черными провалами глаз и рта. Обгорелые руины засветились среди снегов, воздух наполнился пеплом, трупным смрадом и предсмертным ржанием изувеченных в бою лошадей. Рогволод увидел себя на незнакомой равнине, и вокруг него пылали семь погребальных костров. Семь черных теней закачались над равниной, семь всадников показались в багровом сумраке, наполненном удушливым дымом.

Впереди – витязь на отличном соловом коне под шелковым чепраком, со львом на щите. Глаза его углями, как у навии,¹⁰ горели в щелях забрала. Следом явился всадник в серых доспехах, с волком на щите и на чалом коне, грозя князю длинным ратовищем. За ним ехал рыцарь на гнедом коне, в доспехах, отделанных кроваво-алой эмалью, с огромным мечом, с ведмедно¹¹ за плечами. Четвертый воин с черным грифом на щите, но в белом вооружении и на белом коне, лениво приближался справа, а слева надвигался всадник в серебряных латах и на крапчатом коне – на его щите злобно скалилась рысь. Оглянувшись в отчаянье Рогволод,

⁸ Кур – петух.

⁹ Желя – погребальный плач.

¹⁰ Навия – мертвец, вампир.

¹¹ Ведмедно – медвежья шкура.

но увидел шестого воина, блистающего золотом и с огнедышащей саламандрой на щите, и каурый конь под ним был невиданной красоты.

Седьмой же воин, черный, как ночь, с крыльями ворона на шлеме, на вороном жеребце, убранном блистающими алмазными нитями, замкнул это смертельное кольцо.

Стоял Рогволод и смотрел на невиданных всадников, ощущая нечеловеческую их силу, их природу, противную человеческой, ибо не люди были перед ним, а существа, которым и названия не было. А потом появился их хозяин, и уже не птица – сама земля закричала под лапами. Громадный черный волк вошел в кольцо всадников, выйдя из огненного мрака, приблизился к Рогволоду, и не было в глазах зверя ничего, кроме адской злобы. Поступь зверя выжимала кровь из земли, дыхание опаляло, рассыпаясь синими искрами, удушая смрадом смерти. Напрасно князь старался убежать: тело его стало непослушным, ноги приросли к земле, смертная немощ сковала беспомощную плоть, и тогда протяжно закричал несчастный Рогволод, призывая на помощь.

Отозвалась птица скорби, заржали кони, завыл утробно зверь и захохотали навию, обступившие князя. Тогда князь приготовился умереть. Но только ошибся Рогволод, не успел зверь пожрать его. Дивное зрелище увидел он – разметав всадников, в круг пламени ворвался волк белый и схватился с черным, и два чудовища катались по окровавленной и опаленной земле и бились насмерть, а над схваткой кружила зловещая птица скорби, и не птица это была вовсе, а чудовище с телом кошачьим, женской грудью, крыльями нетопыря и мордой столь страшной, что и словами не описать этого образа. Тогда князь, не дожидаясь исхода схватки, обратился в бегство, волоча неподъемное от ужаса тело, раздирая горло в безумном беззвучном крике.

Рогволод открыл глаза. Горница была наполнена серым утренним светом, черные тени залегли по углам, и все предметы казались сотканными из тумана – князь в первые мгновения после пробуждения не узнал свою опочивальню. Сердце Рогволода барахталось в груди, точно насмерть перепуганный зверек, пот заливал чело.

– Ольстин! – позвал он через силу.

Человек, спавший под тулупом на лавке в глубине горницы, не отозвался. Дрожа всем телом, Рогволод поднялся с ложа, держась руками за стены, доковылял до спящего, толкнул в бок. Человек замычал что-то, мутным спросонья взглядом вперился в Рогволода.

– Ты, княже? – прохрипел он.

– Воды, Ольстин, – зашептал князь. – Худо мне...

Ольстин мигом сбросил бараний тулуп, вскочил с лавки, подхватил князя под руку и повел к постели.

– Опять огнища на тебя навалилась, княже, – обеспокоенно говорил он, укрывая Рогволода аксамитовым¹² покрывалом, а поверх – одеялом из шкур. – Сейчас принесу воды и бабок кликну.

– Воды, Ольстин...

Слуга бросился вон из опочивальни, в сенях набрал из дошника¹³ воды в ковш, принес Рогволоду. Князь жадно выпил, но больше пролил на постель.

– Сейчас, княже, сбегаю за ведуньями. Жар у тебя, горишь ты весь, – бормотал Ольстин.

– Сон я видел, – ответил князь, откинувшись на подушку. – Худой сон.

– Болен ты, оттого мороки на тебя навалились, княже. – Ольстин с испугом оглядел горницу. – И у меня худые сны были. Надобно тут все омой и можжевельником окурить, жонкам-ведуньям прикажу...

¹² Аксамит – бархат.

¹³ Дошник – кадушка.

– Ратшу позови ко мне, – вдруг сказал Рогволод.
– Сейчас же?
– Сейчас же. И пусть не мешкает.
– Все выполню, княже.
– Добро, Ольстин. А теперь иди, оставь меня.
– Ведуний-то позвать?
– Не нужно. Полегчало мне вроде. Ты лучше дров на угли положи, знобит меня.
– Может, меду тебе согреть, али романей?¹⁴
– Не надо, – князь приподнялся на ложе, посмотрел на Ольстина, и глаза его лихорадочно заблестели. – Ступай, Ольстин, позови Ратшу.

Ольстин поклонился. Прежде чем уйти, раздул угли, почти погасшие за ночь, подбросил еще калины¹⁵ в очаг и, бормоча заклинания, украдкой, чтобы князь не видел, вынул из кисы на поясе какие-то корешки и бросил их в разгоревшееся пламя.

– Дозволяешь идти, княже?
– Дозволяю.

Едва Ольстин вышел, Рогволод бессильно откинулся на постель. Болезненный жар все пуще разгорался в нем, но не это томило князя. Болел он давно, хворь пристала к нему еще прошлой весной, ослабло тело, голова ургом стала идти, жар мучить. Световид на вопрос князя, что это за недуг, сказал просто: «Старость, княже». Шестидесятый год пошел Рогволоду, возраст почтенный, да и прожито было за эти годы так много, что на сто жизней хватило бы. В трудное время стал Рогволод князем антов, в войну с варягами престол принял. А до того бился и с аварами, и с хазарами, и со всякими чужинцами, и со словенами – соседями, с чудью и мерей, с урманами, дважды был в плену у хазар и дважды выкупался за немалое серебро, бывал тяжело ранен и лежал, ожидая смерти; после же без малого двадцать лет княжил над северными антами – народом, с которым боялись задираться и жестокая мордва, и водь, и кемь, и латгалы, и пруссы, и даже неустрашимые выходцы из Варингарланда. До сих пор боги хранили Рогволода и его потомство, но теперь предчувствие чего-то страшного овладело князем. Виденный сон был вещим – и был к большой беде.

Взгляд старого князя упал на любимый меч у изголовья – славный клинок, когда-то подаренный зятем, выражским ярлом Рутгером. Меч был редкий, искусной работы, такого в землях антов больше не было. Сказывали варяги, что меч этот выкован был в далеком Дамаске, и искуснейший оружейник Нури ковал его. Рутгер некогда отдал за меч добычу с целого похода и не прогадал: арабский булат резал железо, как воск, не тупясь. Сам Рутгер называл меч ромейским, ибо некогда меч принадлежал ромейскому императору Феофилу. Ярл дорожил мечом, но, не задумываясь, отдал его выкупом за Мирославу. Влюбился в дочь Рогволода без памяти и в первую же встречу с ней. Рука князя невольно потянулась к оружию, коснулась черного сафьяна ножен, золотой рукояти, отлитой – по совпадению ли, или по тайной воле богов – в форме вытянувшегося в прыжке волка. Когда-то этот меч был ему овруч¹⁶, ныне стал неподъемным. Кому из сыновей его отдать? Боживою, Горазду, Первуду, Ведмежичу? Или тому, кто давно считается среди антов сгинувшим без вести?

– Пресветлый хорс, бог отцов и дедов моих, прогони мороки, верни мне силы! – шептал Рогволод, перебирая пальцами край одеяла. – Не оставь меня на волю Чернобого!

Слабость не оставляла князя, дремота накатывалась волнами, застилала глаза. Сколько Рогволод провел в беспамятстве, того он не ведал, да только, пробудившись, увидел, что

¹⁴ Романей – красное вино.

¹⁵ Калина – хворост.

¹⁶ Овруч – по руке.

солнце уже ярко светит в окна, и ведуньи хлопочут у очага, грея питье. Вскорости прибыл и Ратша.

Когда Ратше было семнадцать лет, а Рогволоду двадцать четыре, спас младший отрок княжича. В стычке с хазарами это было: неразумно полез молодой Рогволод в сечу и получил от хазарского оглана¹⁷ навязнем¹⁸ в голову. Ратша тогда оказался рядом, отогнал врагов и князя израненного на своем коне до стана довез. За то Рогволод любил Ратшу и доверял ему более прочих. Теперь же Рогволод решился доверить старому боилу¹⁹ то, о чем молчал столько лет.

Воевода сидел у княжеского одра, слушал молча, не перебивая, лишь недоверчиво потряхивая головой, будто старался сон с себя стряхнуть – не верилось старику, что такое с ним наяву случилось, что взаправду слышит он такие речи.

Когда же замолчал Рогволод, окончив рассказ, Ратша схватил ковш с крепким медом, который принес Ольстин вместе с холодной лосятиной и пирогами, и в несколько глотков осушил его, крикнул и запустил огромную пятерню в свои седые кудри.

– Нет слова у меня для тебя, княже, – сказал он, как выдохнул. – Нечего мне сказать. Поразил ты меня. Как же сумел ты смолчать, сокрыть это?

– Световид клятву с меня взял. Княжескую кровь даже волхвы пролить не могли, да и я бы не допустил. Два пути у нас было: либо Мирославу с чадом в чужбины отправить, либо здесь скрыть от глаз недобрых... Что теперь толковать о том!

– Как же случилось, что за столько лет никто ничего не прознал?

– Воля богов то была. Я сам к Мирославе ездил под видом смерда, припасы ей возил. Видели меня люди, но ничего не заподозрили.

– Дело твоё, княже. Скрыл, значит скрыл. Что от меня надобно-то?

– Чувствую, недолго мне осталось. Стар я, помру скоро. Хочу, чтобы ты Рорку опорой стал.

– Так и я стар, княже.

– Ты крепче меня. Боюсь, как помру я, сыновья мои Рорка не примут. А в Рорке спасение земли нашей.

– О чем ты, княже? Может, сон твой пуст?

– Не пуст. – Рогволод сверкнул глазами. – Догодя²⁰ до рождения Рорка отцу его, предсказано было, что сын его станет великим конунгом. Мирослава знала, что сыну ее великая судьба суждена. А мне колдун хазарский еще в плену говорил, что внук мой мир спасет от беды, которая придет равно ко всем – и к хазарам, и к антам, и к ромеям, и к латинянам. Когда беда случилась с Рутгером, я все сделал, чтобы о пророчестве этом никто не узнал. Но Световиду боги тоже тайну дома моего открыли... Тогда порешили мы спрятать внука моего с глаз людских подальше, чтобы анты не волновались. Я сказал, что Мирославу чреватую отправили к родне в Вешницы, а там ее хазары захватили.

– Чудно мне, князь. Все думаю, как баба с дитем малым одни в лесу столько лет прожили.

– А так и прожили. Знали о том трое лишь – я, Световид и варяжин этот блаженный, Турн. Поначалу он Мирославу хотел в жены взять, мальчика сыном своим назвать, да дочь не захотела. Любила она Рутгера, ему одному и принадлежала. Джуда-хан, владыка хазарский, мне тайных сватов присылал, да напрасно... Ольстин! Подай еще меда воеводе.

¹⁷ Оглан – воин, джигит.

¹⁸ Навязень – кистень.

¹⁹ Боил – воевода.

²⁰ Догодя – задолго до.

– Все равно чудно. В лесу одни, среди нежити и зверья дикого.

– Турну я запретил ходить к Мирославе, да и Световид ему пригрозил. Когда Рорку пять лет исполнилось, я было хотел его в свой дом забрать под видом ясыря, у хазар купленного. Опять же Световид запретил. Волхвы о пророчествах мне напомнили, заставили мечом и Перуном поклясться, что оставляю эту затею. Световид от всех волхвов сказал мне, что жизнь ребенка в руках богов, а мы, слабые смертные, не должны их воле препятствовать. С того дня я ни Мирославу, ни Рорка не видел больше. Теперь за эту слабость себя проклиная день и ночь.

– И сколько лет прошло?

– Без двух лун пятнадцать.

– Рорку должно около двадцати годов быть. Прости меня, княже, я вой, и делом моим всегда была война. Но вот скажи мне – неужто внука твоего от волхвов скрыть было нельзя? Мальцов много, поди разбери, кто из них внук княжеский...

– Нельзя, – князь наклонился к самому уху Ратши, зашептал жарко: – Облик у Рорка приметный. Когда он родился, Световид проклятый роды принимал.

– Мальцы меняются.

– Рорк родился седой и с глазами волчьими.

– Как с волчьими? – похолодел Ратша.

– Так, с желтыми, как у упыря или у волка-сиромахи... Что глядишь, очи вылупив? Думаешь, легко такое про внука своего говорить? Ни с кем Рорка не спутаешь. Проклятие Рутгера у него на челе написано.

– Странные вещи ты рассказываешь, княже.

– То дело давнее. Теперь надо Рорка из леса вернуть. Его время приходит. Все сбывается, как предсказано. Мальчик за эти годы воином стал.

– В лесу-то?

– Мирослава его стрелять из лука и рогатиной биться учила. А уж других умений у него в достатке. Ловкостью и силой он и в пять лет удивлял.

– Затем ты меня и кликнул?

– Поедешь за ним в Лес Дедичей. Если не ушел он из нашей земли навсегда, то там он, в старом доме Мирославы, у озера.

Ратша молча кивнул, хотя на сердце у него лег ледяной холод. Старый боил не боялся никого и ничего, но вот нежить его пугала. Хотя был ли Рорк нежитью – кто знает?

– Когда мне ехать?

– Сейчас же. Скажешь ему, что жду я его очень. Слушай, как найти дом Мирославы...

Ратша слушал молча, кивал. В Лесу Дедичей он не был давно, и еще бы столько лет туда не ходил. Жители Рогволодны, да и анты вообще лес тот обходили стороной. Считался он прибежищем всякой нечисти, леших и мавок. Вспомнил тут Ратша, как десять лет тому в землях антов вдруг начал пропадать скот. Поначалу пропавших овец даже найти не могли, а потом кости обглоданные да клочья шерсти нашли у окраины Леса Дедичей. Волчок в тот год анты побили немерено. Но волки ли скот тогда резали? И вновь старый Ратша поежился от холодного прикосновения страха.

– Все понял, княже, – сказал он, когда Рогволод, утомленный долгим разговором, замолчал, тяжело дыша. – Найду я его и доставлю сюда. И Мирославу уговорю прийти к отцу.

– Она не придет, – сказал вдруг князь. – Световид сказал, нет ее среди живых. Три года я считал, что и Рорк тоже умер. Но волхвы в болезни моей меня успокоили – жив он. Видение было Свитовиду, видел он мужа с волчьими глазами у ворот Рогволодны.

– Твое слово, – склонил голову Ратша. – Все выполню по слову твоему. А теперь выслушай и мою новость. Собирался я к тебе утром с доносом идти, но меня огнищанин твой опередил. Гости к нам, княже. Сторожа донесли вчера, с моря варяги идут.

– Верные ли вести?

– Верные. Рати с полтысячи будет на двадцати лодях. Побратим их твой ведет, рыжий. Браги. Видать, урманы на кого-то собрались. Не на нас ли?

– Нет. С Браги у меня вечное побратимство, на мечях заключенное. Урманы таких клятв не нарушают. Варяжин за гривну серебряную брата в полон сдаст, но клятв, данных перед богами, не нарушит. Жаден и жесток этот народ, но не вероломен. Где они?

– К устью Дубенца подошли.

– Пошлю к ним навстречу Боживоя с малой ратью. Пусть гостей дорогих честь по чести сюда проводит. Ты же делай то, о чем я тебя попросил. – Тут Рогволод замолчал, пораженный неожиданной мыслью: а не связан ли визит варягов с Рорком, не было ли у Браги какого-нибудь откровения?

– Сделаю, княже.

– И вот еще, – князь дрожащей от слабости рукой придвинул воеводе меч Рутгера. – Свези внуку. Скажи, подарок от меня...

Солнце подошло к полудню, когда Ратша, оставив коня привязанным у поваленного дерева, вошел в лес. Найти тропинку, о которой говорил ему Рогволод, оказалось не так просто: с возрастом Ратша стал видеть хуже, а под кронами старых дубов, лип и вязов царил полумрак. Однако тропка нашлась – еле заметная, почти заросшая травой.

– На светлой заре встану на дворе лицом к Яриле, спиной к Свече, – зашептал боил, – прочту наговор сильный, в огне каленый, в воде томленный, четырьмя ветрами окрыленный. Призову наговором тем силу могучую, поклонюсь ей поклоном глубоким, со словом добрым обращусь, силе могучей подивлюсь. Защити меня, могота²¹ великая, от шупела²² злобного, от черной немочи, от жаха²³ ночного, от нави упадной,²⁴ от ворожбы и поклада, от нежити лесной, болотной, неназываемой, непоминаемой. Порази, могота, навь черную, лиши ее силы, страхом ее напитай, защиту от нави слуге своему дай! Слово мое верное, сильное, неразбиваемое, неразмакаемое, огню и воде непосильное. Благословите меня, пресветлый Ярила, Хорс и Белбог!

Закончив заговор, Ратша двинулся в глубь леса. Когда-то к старому капищу в лесу вела широкая просека, но потом случилось так, что капище волхвы по им одним ведомым причинам перенесли в другое место, и просека заросла. В лесу было холодно, и Ратша опять ощутил невольное беспокойство. Ведуньи сказали ему, что днем опасности нет никакой, да и наговор дали ему самый сильный из всех, и зачур²⁵ особенный на него повесили. Кроме меча Рогволода взял с собой старый воевода еще и посеребренный клевец, которым при надобности смог бы отбиться и от волка, и от упыря. День, впрочем, был хороший и ясный – в кронах полосами пробивался яркий свет, падал на полянки, где среди белых, желтых и лазоревых цветов порхали бабочки. Над головой воеводы щебетали какие-то птицы. Злых чар они не ощущали.

Идти пришлось долго, аж ноги у воеводы заныли от такой непривычно долгой ходьбы. Тропа все же привела боила к огромному замшелому камню, окруженному кольцом из кам-

²¹ Могота – сила.

²² Шупел – колдун.

²³ Жах – страх.

²⁴ Упадный – умерший.

²⁵ Зачур – талисман.

ней поменьше – когда-то здесь было святилище неведомого народа, жившего на этой земле прежде антов. Здесь Ратша остановился. Рогволод говорил ему про старое требище²⁶ – это ли? Где-то в глубине леса защелкал крехтун,²⁷ и в душе воеводы опять шевельнулся страх. Правая ладонь невольно легла на грудь, где под толстой кожей подроспешника висели обереги.

От требища тропа повела вниз, меж огромных деревьев, сосен и лиственниц, к озеру. Воевода увидел серебристую поверхность озера не сразу – слишком густой был лес. Через сотню сажень, спускаясь с яра, он опять остановился и снова прочел наговор. С этого места был хорошо виден укрывшийся среди молодых сосен небольшой сруб под двускатной дра-ночной крышей, сложенный из толстых бревен и окруженный палисадом. Подавив в себе сильнейшее желание повернуть обратно, воевода начал спускаться к берегу.

Сруб стоял недалеко от волн. Ниже него шли топкие плавни и стена очерета, а с трех сторон дом был скрыт лесом. Увидеть его можно было только сверху, от поляны с требищем. Сруб был небольшой, но ладный и толково срубленный, двор был чистый и тщательно утоп-тан: за домом виднелись грядки с зеленью, но живности никакой Ратша не заметил.

– Здоров будь, хозяин! – провозгласил он, войдя в дом.

Сруб был пуст, и Ратша вздохнул с облегчением. Осмотревшись, он подумал про себя, что хозяин вовсе не так дик, как полагалось бы лесному чудищу: в срубе было чисто, нигде ни грязи, ни паутины, калина у очага сложена в аккуратную грудку. В углу за ухватом Ратша заметил большую рогатину с граненым наконечником, а в колоде у очага – тяжелый топор. Распустив завязки плаща, боил тяжело опустился на заменяющее табурет полено, положил руки на стол и вздохнул, переводя дух.

Разговор с князем не шел у него из головы. То, что князь поведал о своем внуке, испу-гало и удивило Ратшу. Он слышал о подобном проклятии, но видеть самому таких вот зача-рованных ему не приходилось. Потому и жил в душе воеводы страх. А ну как окажется, что не остановят проклятого ни обереги, ни наговоры? Невольно ладонь воеводы легла на посеребренный клевец.

Но тут воевода подумал о другом – если Рорк и вправду злой силой испорчен, если не внук он княжеский, а подменыш, дите, нежитью подкинутое, то почему волхвы не нашли способа справиться с ним? Почему Световид, волхв Сварога, не избавил антов от нежити? Вряд ли Рогволод стал защищать мальчика, зная, что это не внук его, а нежить, принявшая облик ребенка. Ой не прост князь Рогволод, чего-то недоговаривает. Должную клятву дал на мече и Перуном поклялся вероломно, чего анты никогда ему не простят. Впрочем, Рогволод стар и скоро сам предстанет перед богом, тогда и ответ держать будет. А то, что волхвы бессильны оказались против Рорка, совсем неспроста – либо велика его сила, либо... Либо ребенок стал жертвой оговора и каких-то хитрых волхвских дел, о которых никому, кроме Световида и ближних к нему людей, неведомо...

Воевода вздрогнул. Тень в дверях упала прямо на стол, и Ратша только и успел, что встать и отступить в глубь дома.

– Кто ты? – вошедший сбросил с плеч связку битых зайцев, отставил добрый хазарский лук и саадок со стрелами, выпрямился, изучая воеводу внимательным взглядом. – Гость ли мой?

– Здрав будь, Рорк, сын Рутгера! – ответил воевода, стремясь сохранить самообладание.

– И ты будь здоров, отец. Кто ты, откуда меня знаешь?

– Я Ратша, слуга деда твоего Рогволода.

²⁶ Требище – жертвенник.

²⁷ Крехтун – вальдшнеп.

Лицо Рорка потемнело. Он шагнул в дом, свет из окна упал на его лицо. Ратша вздрогнул. Не покривил душой Рогволод, правду сказал: открытое и ясное было у Рорка лицо, мужественное, лицо воина. Но длинные волосы были цветом волчьей шерсти, совершенно седые, хотя Рорку еще и двадцати лет не исполнилось. А глаза... Показалось Ратше, что глянул он в глаза зверя, а не человека. Пронзительные глаза, желто-карие, и блеск в них Ратша углядел волчий, звериный.

– Дед мой? – спросил Рорк. – Пятнадцать лет я его не видел. А тут вдруг вспомнил. С чем он прислал тебя, отец?

– Князь просит тебя к нему в Рогволодень.

Ратша заметил, что юноша был изумлен. Но изумление, мимолетно промелькнувшее на лице княжича, исчезло быстро, осталось все то же равнодушие, будто и не рад он был вестям от деда.

– В Рогволодень? К народу? – Рорк гордо вскинул голову. – С детства я хотел там побывать. Смотрел издали на башни, на кит²⁸ городской, мнил себя воином на страже города. Это было давно. Лучше скажи мне, отец, а не желает ли мой дед посетить могилу дочери своей и моей матери? Она уже четвертый год как в земле, отца так и не дождалась.

– То мне неизвестно. – Ратша проглотил застрявший в горле ком. – Я пришел с добром и волю князя тебе передаю, как высказал он ее. Князь добром тебя просит. И подарок тебе этот шлет.

Ратша снял с плеча завернутый в холстину меч, положил на стол перед Рорком. Княжич развернул холстину, увидел меч. Глаза его вспыхнули, но через мгновение он вдруг набросил ткань обратно на оружие, и Ратша испугался, как бы не пришлось ему везти обратно княжий дар.

– А что же мои дядя? Что волхвы? – спросил Рорк. – Тоже ждут, когда я приду в город свести с ними знакомство?

– Не думай о них плохо, княжич.

– Мать говорила мне о волхвах. Из-за них нас изгнали вон из народа. Но тебе я верю. Раз зовет меня дед, значит, и в отверженном появилась нужда.

– Князь велел сказать... Видение ему было.

– Видение? Расскажешь?

– За тем и послан.

– Тогда присядь, гость дорогой, и выпей со мной меду. На сухое горло много не наговоришь.

Рорк налил из окрина пахучий мед в две деревянные чарки, одну подал воеводе, другую пригубил сам. Воевода отведал и подивился: мед был самолучший, на диво душист и крепок.

Пока Ратша рассказывал, хозяин дома молча сидел и лишь иногда кивал головой. Впрочем, рассказ у старого боила получился сбивчивый, путанный, да еще от меда в голове начало изрядно шуметь.

– Великая печаль гложет князя, – закончил Ратша, тяжело вздохнув. – Почему я и пришел.

– Должен ли я идти с тобой сейчас?

– Ты волен прийти, когда пожелаешь. Так князь сказал. Но скажу тебе – болен зело князь. Как бы не прибрала его Маара, – сказал Ратша и осекся, поняв, что сболтнул лишнего.

Рорк поднял на воеводу свои янтарные глаза.

– Хорошо, – сказал он. – Пусть ждет меня через три дня.

– Добро, – облегченно вздохнул Ратша: тяжелое посольство удалось. – Я уйду с легким сердцем.

²⁸ Кит – деревянная стена-короб, заполненная землей.

– Выпей еще меду. – Рорк наполнил чаши. – Вернешься в город, поблагодари деда за подарок.

– Меч этот отцу твоему принадлежал, Рутгеру-варяжину, – Ратша с удовольствием осушил чашу. – Славный был витязь твой отец. Истинный урман.

– Мать рассказывала. Говорили, проклятие на нем какое-то было?

– О том не ведаю, – побледнел Ратша. – Однако пора мне. Благодарствуй за мед, за прием почестный, за разговор от сердца. Увидимся при князе...

Рорк не стал препятствовать гостю. Ратша с облегчением покинул сруб: мед, придавший ему храбрости, еще сохранил свой вкус на губах воеводы, а Ратша уже был у старого требища и так же поспешно шел по тропе прочь из леса.

Оставшись один, Рорк обратился к дедовскому подарку. Меч был не просто оружием, это был знак княжеской власти. Почему Рогволод не отдал его кому-нибудь из старших сыновей? Странно это, одним сном этого не объяснишь. Рорк потянул за рукоять, вынул клинок на треть из ножен: смазанная сталь казалась покрытой морозным узором. Настоящий булат, такому клинку цены нет. У самого эфеса на клинке варяжский мечевщик когда-то выгравировал странные знаки. Рорк не знал, что это руны.

– Вот и сбылись слова твои, мама! – прошептал он.

Положив меч на стол, Рорк вышел из дома и, обойдя палисад, углубился в лес. Место, к которому он держал путь, находилось в полусотне сажений от дома, в дальнем конце маленькой солнечной поляны, заросшей цветами, у корней старой огромной березы, ветви которой спускались до самой земли.

Опустившись на колени у холмика под кроной березы, Рорк тщательно повыдергал вылезшие из земли сорняки. Четвертый год он приходил сюда почти каждый день, чтобы побыть с матерью, поговорить с ней, положив ладонь на холмик: ему казалось, что слышит он ее голос, такой мягкий и теплый. В эти минуты вся его недолгая жизнь проносилась в памяти, и почему-то одно воспоминание всегда оказывалось последним и особенно ярким – лицо матери, склонившееся над ним, ее руки, ласково обхватившие его голову. И опять, как в сотни раз до этого, острая тоска и боль пронзила сердце Рорка.

– Мама, ты хотела вернуться к людям, – шепнул он, наклонившись к самой земле. – Теперь я исполню твою мечту за тебя...

II

На зеленом пологом берегу Дубенца, в сотне верст от Рогволодны, раскинулся воинский лагерь. Два десятка дракаров встали стеной у берега, а их многочисленные экипажи разбили разноцветные шатры и отдыхали после многодневного плавания. По берегу слышались певучая варяжская речь, пение, многоголосый хохот. Часовые в синих плащах или в меховых куртках и в круглых шлемах с пушными околышами опирались на копья и опоры, улыбались, слушая знакомые песни. Твердая земля под ногами радовала всех. Трехнедельное плавание от Норланда до Росланда, страны антов, завершилось.

В огромном шатре из драгоценного малинового шелка, захваченном в набеге на византийские земли, отдыхали предводители похода. Пять человек расселись на большом хорезмском ковре, брошенном прямо на траву, пили мед и римейское вино из больших чаш, заедая копченой свининой, сухой рыбой и черносливом. Возглавлял трапезу сам Браги Ульвассон, имя которого знали по всему побережью от Норланда до Британии и даже в греческих землях вспоминали со страхом. Не было в Варингарланде воина, о котором скальды сочинили столько хвалебных песен, сколько они сочинили о Рыжем Браги, Браги Железной Башке.

Браги Ульвассону было под шестьдесят, но до сих пор этот муж отличался своей силой и острым длинным мечом, которым с одного удара мог отсечь голову. В рыжей бороде обильно серебрилась седина, за плечами были десятки походов, но только не думал Браги о покое, о жизни на берегу. Прозвище свое Браги получил из-за шрама, оставленного валлийским клинком и пересекавшего его бритую голову от макушки до левой брови – напоминация о походе в Британию, едва не ставшем для грозного викинга последним.

По правую руку от Браги его сын Ринг, такой же рыжий, коренастый, широкоплечий, краснолицый, такой же неукротимый и свирепый, как отец, обгладывал свиную лопатку. Слева восседал еще один родственник Браги, молочный брат Ринга Эймунд, красивый белокурой юноша лет двадцати двух, но, несмотря на юность, – боец, каких поискать. За Рингом сидел ярл Вортганг по прозвищу Кровавая Секира, человек вспыльчивый и кровожадный, которого боялись сами скандинавы. Когда-то Вортганг был одним из самых удачливых норманнских пиратов, теперь же Браги вновь пригласил его в поход с дружиной. Пятым из вождей похода был совсем еще юный человек, юноша девятнадцати лет, племянник конунга Харальда Большого Хакан Инглинг. Несмотря на то что шесть дракаров из двадцати несли на себе вымпелы дома Инглингов, прочие военачальники относились к юному Хакану как к ребенку, со снисходительным дружелюбием, и слово его в походе ничего не значило. Всем заправляли Браги, Ринг и Вортганг.

– Хвала Тору, мы достигли Росланда, – говорил Браги, – боги не развлекли нас по дороге ни штормом, ни мором. Теперь отдохнем немного, и в путь. Конунг Рогволод уже знает о нашем прибытии, сторожа упредили. Прием будет знатный, клянусь змеей Мидгард!

– Будут пиры до упаду! – со смехом воскликнул Ринг.

– Откормленные словенские девки! – подхватил Эймунд.

– Уверен ли ты, что нас ждет хороший прием? – спросил Вортганг.

– А ты надеешься на драку, брат? – с иронией спросил Браги. – Запомни, сын волка, что Рогволод – мой побратим. С тех пор как мой отец наказал антов за вероломство, мы с ним поклялись быть союзниками. Клятву он не преступит, помощь даст. А помощь нам нужна. Если монах не врет, дела у моей сестрицы Ингеборг совсем плохи.

– Не думаю, что анты будут нам полезны, – сказал Вортганг. – Они хорошие воины, когда надо защищать свою медвежью берлогу от разных степных крыс. Чтобы словенский

медведь выполз из своей берлоги и пошел за нас драться, нужно посулить ему хорошую долю в добыче. Дать добычу союзнику – значит, ставить от себя.

– Понимаю, что тебя беспокоит, – сказал Браги, – но без антов нам придется трудно. У нас всего шестьсот бойцов, пусть лучших в Норлагде, но против всей рати Аргальфа этого маловато. Конунг Харальд хоть и обещал нам помощь, – тут Браги не без насмешки глянул на молодого Инглинга, старательно объедавшего ребрышко поросенка, – но дал лишь столько, сколько было не жалко. Мне нужно еще хотя бы пятьсот человек, пешцев и особенно лучников. А лучники у антов славные. Хорошие лучники, клянусь змеей Мидгард!

– Рогволод может отказать, – заметил Вортганг.

– Мне? Побратиму? Он клялся на мече принять мою сторону. Вздумает хитрить, пожалует. – Браги сжал кулаки. – Пусть только посмеет! Я сдеру с его сыновей шкуры и сошью из них парус для своего дракара.

– Так стоит ли на него полагаться: ты, я вижу, не совсем в нем уверен?

– Стоит. Анты народ крепкий, в бою упорный, как матерый вепрь. Выучки у них маловато, но храбрости не занимать. Эти трусливые псы готы не так хороши в бою. Может, увидев, как деремся мы, они наконец-то вспомнят, что они мужчины, и начнут драться? Вот тогда-то вонючий пес Аргальф и лишится своих зубов!

– Аргальф колдун, – произнес Инглинг.

Браги с презрением посмотрел на юношу.

– Да пусть он будет хоть сам адский волк Фенрир, я не отступлю! – рыкнул он сердито. – Война началась, и мне не важно, кто мой враг. Ингеборг мне сестра, я помню ее совсем девочкой. Она моя кровь, и за нее я выверну Аргальфа наизнанку, залезу ему в пасть и вылезу обратно с куском его вонючей печени в зубах! А еще слышал я, что этот бродячий пес Аргальф сказочно богат. Победим его, и сокровища будут наши. Вернемся домой со шлемами, полными солидов!

– Колдовство, – покачал головой Вортганг. – Не люблю колдовства. Колдовство всегда опасно.

– Подумаешь! Я вам все плавание говорил и еще раз скажу. Вот этой рукой, – и Браги взмахнул десницей, заросшей рыжим пухом, – я прикончил Хьярви Гудмундссона, которого еще называли Хьярви-Тролля. О том моем подвиге есть песня, и все ее знают. Разве не был Хьярви колдуном? Был. Все его боялись, а я снес его башку, как гнилой кочан капусты... Эй, Торки, приведи монаха!

– Отец, стоит ли говорить с ним? – спросил Ринг, провожая взглядом покинувшего шатер дружинника.

– Он малость позабавит нас, эта бритая готская макушка... Так вот, вспомните последний поход в Корнуэльс. Ринг, сколько у нас было людей?

– Семьдесят.

– А у конунга Альфреда было семьсот. Но мы пустили им кровь, а потом еще и парочку друидов поймали. Эти глупцы пытались напустить на нас какие-то чары, клянусь Одином! Мои воины повесили им по камню на шею и пустили на дно морское учить рыб колдовской премудрости. И что же, ни один не всплыл!

– Так все и было, – подтвердил Ринг.

– Ловко! – воскликнул Инглинг.

– Придем в земли антов, спроси Рогволода, брат, – сказал Браги, обращаясь к Вортгангу, – бояться ли анты колдунов. А я скажу тебе, что у них этого добра пруд пруди, что ни баба, то ведьма...

Браги не договорил: полог шатра откинулся, и дружинник ввел в шатер пожилого человека в темной сутане.

До своего злополучного путешествия с дружиной Браги Ульвассона в земли антов отец Бродерик, личный капеллан королевы готов Ингеборг, отличался степенностью и дородностью, но теперь сильно похудел и осунулся. Варварская пища, морская каша, а еще больше жизнь среди свирепых язычников, измотали святого отца телесно и духовно. Браги любил приглашать отца Бродерика на попойки ярлов, где заводил с ним беседы о христианстве. При этом рыжий язычник позволял себе такие чудовищные кощунства, что святой отец не знал, как себя вести, и потому лишь читал молитвы, что почему-то забавляло Браги. Вот и сейчас отец Бродерик пришел в шатер Браги с тяжелым сердцем, предчувствуя новые насмешки и унижения.

– Выпей меда, посол, – велел Железная Башка, жестом приглашая монаха сесть. – Или твой бог запрещает тебе пить вино с язычниками?

– Нет, не запрещает, – Бродерик принял у Торки кубок. – Господь наш Иисус Христос пил вино с иудеями в Канне и Капернауме, преломлял хлеб с грешниками.

– Клянусь змеей Мидгард, это мы-то грешники? – с притворным гневом воскликнул Браги. – А кто же праведник? Ты, монах?

– Увы, присланный Браги, я еще худший грешник, чем вы. Вы грешите, не находясь в лоне истинной веры, я же, недостойный, грешу, приняв святое крещение.

– Странная все-таки вера, это христианство, – сказал Ринг, задумав в свою очередь поддеть ученого монаха. – Твой бог, монах, делает из мужчины бабу, заставляя его каяться и есть одни овощи. В Корнуэльсе я разорил монастырь, и, клянусь священными козлами Тора, никто из монахов не отважился драться с нами, хотя были среди них настоящие силачи. Так все и погибли бесславно, без мечей в руках, как рабы.

Отец Бродерик, услышав такие богохульные слова, побледнел и начал креститься. Браги захохотал.

– Теперь я понимаю, почему готы возятся с этим ублюдком Аргальфом и его рыцарями, – произнес он презрительно. – Все дело в том, что они христиане. Скажи, ведь Ингеборг тоже нахваталась от тебя этой дури, которую ты зовешь христианством?

– Да, благородный Браги. Святой отец Адмонт сам крестил ее величество и маленькую Аманду – да защитит ее Бог от всех врагов!

– Достойные братья, помните ли вы ярла Улафа Хаммергриммсона? – обратился Браги к своим товарищам. – Это был славный боец, пока в его свите не завелся какой-то дрянной ирландский монашек. Он так задурил Ульфу голову, что тот принял крещение и стал христианином.

– Перестал ходить в походы, – добавил Ринг.

– Раздал всех жен дружинникам, оставив себе только Брюн, – напомнил Вортганг.

– Отдал заезжим монахам кучу золота! – со смехом сказал Эймунд.

Один только Хакан Инглинг промолчал: Ульф Хаммергриммсон был дядей его матери.

– Хорошо, что вы это все помните, – продолжал Браги, – потому что Ульф перед смертью все-таки вспомнил, что он викинг. Я стоял рядом с его смертным ложем и видел все. Ульф умер с мечом в руках, как и подобает.

– Теперь душа его в Вальгалле! – воскликнул Вортганг.

Отец Бродерик чуть заметно улыбнулся.

– Чему ты смеешься, монах? – недовольно спросил Браги.

– Прости меня, преславный ярл, но я вспомнил, что сказал мне достойный брат Колумбан, исповедник блаженной памяти ярла Ульфа, в крещении Кристиана.

– И что же?

– Эфес меча напоминает крест, которому мы, христиане, поклоняемся. Брат Колумбан еще говорил, что в рукоять меча покойного ярла были вделаны святые мощи – обрывок ризы святого Николая и...

– Вздор! – недоверчиво воскликнул Железная Башка. – Мало ли что вообразил себе этот ирландский заморыш! Ульф был настоящий викинг и умер с оружием в руках.

– Но перед смертью он посвятил свой меч Иисусу Христу, – возразил монах.

– Неправда! – Браги осушил кубок меда, чтобы залить закипавший в нем гнев. – Не зли меня, посол, не испытывай судьбу.

– Я и не думал. Придет время, и свет спасения воссияет для тебя, преславный Браги, так же, как воссиял он для Ульфа. Может статься, ты не примешь святого крещения, но ты увидишь Бога в славе, и это откроет для благодати твое сердце.

– Браги Ульвассон станет христианином? Ха-ха-ха! Да ты безумен, монах! Чтобы я отрекся от веры моих предков? Мои отец и мать верили в обитателей Асгарда, и я в них верю. Я не променяю пира в Вальгалле на жалкое прозябание в царстве мертвых мерзкой старухи Хэль!

– Прими нашу веру, и попадешь в рай.

– В христианский рай, где нет пиров, где рабы и воины сидят под одним деревом и жуют кислые яблоки, где нет меда и песен о подвигах? Уволь меня, монах, от такого счастья! Эй, Торки, еще меда послу...

Отец Бродерик покорно принял полный кубок. Он понял, что ярл начал злиться. Теперь спорить с ним становилось опасно, все равно что играть с тигром. Как истинный миссионер, отец Бродерик всей душой желал обращения этого свирепого язычника, но время еще не пришло. К тому же он все чаще ловил на себе недружелюбные взгляды изрядно захмелевших Вортганга и Ринга. Поэтому монах решил сменить тему.

– Меня беспокоит другое, – сказал он. – Вот уже три месяца нет известий из Готеланда.

– Вести путешествуют медленно, – сказал Браги. – Что там могло случиться? Моя сестрица наверняка сидит в какой-нибудь неприступной крепости вроде Гриднэльского или Шоркианского замка и ждет меня с подмогой. Война еще не кончена, клянусь Одином.

– Дай Бог! – воскликнул отец Бродерик.

– Вы, готы, боитесь Аргальфа, а я не боюсь, – Браги посмотрел на священника мутными покрасневшими глазами. – Я изрублю в куски семерых ансгримцев, а самого Аргальфа посажу на цепь у амбара – пусть воет на луну за миску похлебки!

– Я молюсь, чтобы Бог укрепил твое оружие, достойный ярл. Но пророчество святой Адельгейды...

– Ты сомневаешься в нас, Бритая Макушка? – гневно спросил Вортганг.

– Я говорю лишь то, что открыл мне святой Адмон. Адельгейда говорила об этих семерых воителях, что сегодня состоят в свите короля Аргальфа. Их сила – это сила преисподней, сатанинская сила, ибо люди не могут с ней совладать. – Отец Бродерик помолчал немного, затем медленно, тщательно переводя слова пророчества на норманнский язык, заговорил: – Вот Мельц, Желтый воин на соловом коне, его герб – Лев, его оружие – секира и кинжал, талисман – топаз. Мельц служит Вэлу, первому королю геенны... Титмар, Серый воин на чалом коне, его герб – Волк, оружие – ланс²⁹ и моргенштерн,³⁰ камень – опал. Титмар служит Пурсану, второму королю геенны... Третьим будет Лех, Красный воин на гнедом коне, его герб – Медведь, его оружие – двуручный меч и мизерикордия, его камень – рубин. Лех – слуга Билэта, третьего короля геенны... Четвертый из них – Каил, Белый воин на белом коне, с Грифом на щите, вооруженный дротиками и булавой. Талисман Каила – сапфир-камень. Каил подвластен Паимону, четвертому королю геенны... Пятый, Ратблат, Золотой воин на кауром коне: его герб – Саламандра в Пламени, его оружие – арбалет и боевой молот, камень – яхонт. Ратблат есть слуга Белиана, пятого князя геенны... Вот Орль, шестой из воинов Анс-

²⁹ Ланс – длинное копье.

³⁰ Моргенштерн – кистень со звездообразными гирьками.

грима, прозванный Серебряным рыцарем. Его конь крапчатый, герб – Рысь, оружие – боевой шест и кончар, камень его – аметист. Орля ведет Асмодей, шестой из королей геенны... Седьмой же замкнет круг: это Эйнгард, Черный воин на черном коне, герб его – Ворон, меч и чекан его оружие, камень – адамант. Душа Эйнгарда в руках Запада, седьмого князя геенны. – Бродерик перевел дыхание, глянул на ярлов, но лица северян были невозмутимы. – Семь рыцарей Ансгрима служат аду, и ад дает им непобедимость. Но худший из наших врагов – сам Аргальф. Черная печать на его челе, и природа его звериная проявляется во всех делах его.

– Складно говоришь, монах, но нас этим не запугать, – равнодушно сказал Браги. – Злые духи христиан страшны только христианам. Мы с помощью Одина побьем их без труда!

Военачальники заулыбались, подняли сжатые кулаки, им понравился ответ Браги. Отец Бродерик собрался было возразить ярлу, но тут прямо за пологом шатра заревел боевой рог. Ярлы схватились за оружие, бросились вон из шатра.

На берегу уже спешно собирались воины, вооруженные и готовые к встрече с группой всадников, показавшихся из леса и медленно направлявшихся к лагерю северян.

– Анты, – уверенно сказал Браги, вкладывая меч в ножны. – Воины конунга Рогволода.

Всадники были уже в половине полета стрелы от стана варягов. Их было десятка три, часть при бронях, шишаках и щитах, другие без доспехов, но при хорошем оружии, мечах и боевых топорах. Бунчуков и хоругвей у отряда не было. Впереди ехали три всадника в красных плащах, золотое шитье которых вспыхивало искрами на ярком солнце.

Варяги встали полуколем, пропуская гостей к шатрам, но держа оружие наготове. Однако Браги уже шел навстречу прибывшим, раскрыв объятия.

– Рад видеть тебя, Боживой! – крикнул он, когда до антов осталось сажень десять. – Столько не виделся, а признал я тебя. Добро пожаловать в мой стан.

Начальник словенского отряда, могучий муж лет сорока, легко спрыгнул с коня, побежал к Браги и обнял его.

– Да благословят тебя Перун и Один, дорогой стрый!³¹ – сказал Боживой. – Отец передает привет тебе и твоим ярлам и просит вас в город. Я послан встретить вас.

– Мой брат уже знает о нашем прибытии?

– Лодьи по арешнику³² скребли, Шуи до Рогволодны подняли, – хитро улыбнулся Боживой. – Дозоры нас упредили.

– Я так и думал. А эти с тобой, не братья ли твои?

– Они самые, Первуд и Горазд.

– Не узнать, клянусь Одином! – Браги поочередно заключил в свои медвежьи объятия сыновей Рогволода. – С тех пор, как видел я их, они сильно подросли. Ражие³³ мужи стали, статью в отца.

Меж тем дружинники Боживой и варяги уже смешались в единую толпу: нашлись люди, знающие сразу и словенский, и норманнский языки, и меж воинами завязалась приязненная беседа. Браги провел трех княжичей в шатер, велел подать еще вина и меда.

– На совет и на войну настоящий муж никогда не опаздывает, – сказал он. – Отплывем завтра, и через день будем в Рогволодне. Как здоровье моего брата, конунга антов?

– Вельми болен он, на войну не ходит боле.

– Кто же теперь воеводство над дружиной держит?

– Я, – с гордостью сказал Боживой.

³¹ Стрый – дядя по отцу.

³² Арешник – галька.

³³ Ражий – сильный, могучий.

- Это хорошо. Ты стал настоящим мужчиной. Пора тебе прославить свое имя в песнях.
- Хэйл! – воскликнули ярлы, поднимая чаши с медом и вином.
- За совместный поход! – добавил Браги.

Боживой хотел было сказать, что только Рогволоду пристало решать, пойдут анты в поход с урманами на неведомого врага или не пойдут, но промолчал. Первуд и Горазд тоже молча опорожнили свои кубки. Братья решили, что пировать лучше с легким сердцем.

III

В просторной светелке княжеского терема было тихо и прохладно. Совсем еще юная девушка в вышитой льняной поневе, удобно устроившись на лавке у окна, рассматривала украшения, поочередно доставая их из изящного резного ларчика византийской работы. Солнечные лучи, падая в раскрытое окно, вспыхивали разноцветными искрами на расшитых стеклярусом подвязках, на золотой зерни, на затейливых изгибах гривенок,³⁴ на россыпях бечетей,³⁵ отражались от полированного серебра. Девушка любовалась прихотливой игрой света, которая делала ее безделушки еще краше и изысканнее. Ей нравилось это занятие, хотя сегодня открыла она свой ларчик с приданным не скуки ради. Вечером предстоял большой пир, и братья сказали ей, что на пиру будет человек, которого отец прочит ей в мужья, – варяжский ярл Эймунд. Потому-то и перебирала девушка свои украшения, стремясь выбрать для сегодняшнего вечера самые лучшие. Не знала эта простая душа, что обладает двумя самыми главными драгоценностями – юностью и красотой.

Вошла мамка, сдобная толстуха, поклонилась.

– Готова для тебя баня, собирайся, – сказала она.

Девушка закрыла ларчик, дала себя увести во двор. Баню протопили крепко, и в дымном жару бани дышалось тяжело, воздух обжигал кожу. Мамка оглядела княжну, морщинка на ее переносье сразу разгладилась.

– Цветочек ты мой, голубица ты моя! – вздохнула она не то с восторгом, не то с затаенной грустью. – Видели бы тебя твои отец с матушкой...

Девушка была красива. Женщины антов славилась своей красотой: недаром так ценили захваченных словенских пленниц хазары. За словенскую молодницу на торжищах Итиля или Скифии платили не торгуясь, сколько запросит работороговец. Простая и суровая жизнь делала мужчин-антов сильными и выносливыми, женщины отличались крепостью и здоровьем, и красота их была крепкая, здоровая, не нуждающаяся в притираниях, красках, дорогих украшениях и нарядах. Белотелые, золотоволосые, синеглазые словенки приводили в одинаковый восторг и ромеев, и варягов, и хазар. Знатки женской красоты ценили в словенских женщинах и еще одно свойство – недолговечность их красоты, ибо северные красавицы были подобны северным цветам, совсем недолго радующим глаз. Чахли они в неволе, теряли свежесть – тем больше находилось желающих насладиться их красотой, пока она была в расцвете, и чужеземцы охотно брали в жены словенок, увозя их в неведомые страны. Что случалось там с ними, знали только боги.

Яничка была приемной дочерью Рогволода: отец ее, родич князя, погиб в бою с хазарами, а мать померла от веред в год, когда Яничке было всего два года от роду.

В свое пятнадцатое лето Яничка слыла среди словенок первой красавицей. Верно ли это было, или просто хотели краснословы польстить князю, сказать было трудно, потому что напрасное это дело – судить, кто из женщин краше. Но заглядывались на Яничку и гридни, и мужчины попроще, и даже у холопьев лучше спорилась работа, если задавала ее Яничка. Никто не мог спокойно переносить взгляд ее больших серых глаз, который так обжигал мужское сердце, что ожог этот потом долго не проходил. Ближние князя шептались, что не будет для девки счастливой судьбы, придет де варяжин и сосватает Яничку словенским женихам на посрамление. Так уже было однажды, больше двадцати лет назад, когда выдал Рогволод свою старшую дочь Мирославу, сестру Боживоя, за варяга Рутгера. Что было потом, в Рогволоде старались не вспоминать. Бабы даже жалели Яничку: всем хороша девка, стройная,

³⁴ Гривенка – ожерелье.

³⁵ Бечети – самоцветы.

высокая, статная, полногрудая, гибкая, как молодая сосенка, косы в руку толщиной, белокожая, ступает и молвит, как и подобает дочери князя, а мужа по любви ей не достанется. Молодой дружинник Куява, родич воеводы Ратши, поклялся, что жизнь положит, а выслужит у князя дочку, да только посмеялись над ним, и забылся этот разговор. А уж когда стало известно, что варяги Браги Ульвассона вот-вот явятся в Рогволодень, многие решили, что Яничке недолго осталось сидеть в девках. Якобы дочке князя было только десять годков от роду, а рыжий Браги в свой прошлый приезд в земли антов уже сговорился с Рогволодом о ней и о своем приемыше Эймунде. Как бы то ни было, но младшие сыновья князя, Радослав и Ярок, до полудня навестили сестру и велели как следует подготовиться к вечернему пиршеству – мол, на пиру жених ее будет. У Янички сердце забилося от этих слов, но она виду не показала, что боится.

Мамка парила и мыла Яничку то ключевой водой, то квасом, то травяным настоем, покуда девка совсем не размякла и не обессилела. Еле добрела Яничка до своей горницы, где тотчас заснула мертвым сном. Время подходило к вечерней заре, когда она проснулась.

– Проснулась моя еврашка,³⁶ – с нежностью сказала мамка, увидев это. – А я тут рухлядь твою разобрала, что надеть к вечеру.

– Нянюшка, – Яничка будто и не слышала старуху, – а верно, что у варяжинов бабы вроде собак объедки едят?

– Балмочь!³⁷ – сердито ответила мамка. – Варяжин ничем не хуже нашенских женихов. А Эймунд не токмо молод и красив, но и богат. Будешь в ромейских влатиях³⁸ ходить, в золотых перстнях, на серебре кушать – чего еще девке надо?

– А коли не полюблю его? – спросила Яничка.

– Полюбишь. Любовь со временем приходит, еще крепче становится... Чего грустишь, дочка? Нездорова ли?

– О варяжине думаю. Сердцем чую, не жених он мне.

– Говорят, Эймунд собой хорош – статен, могуч, молод. Хоть и варяжин, а жених хоть куда.

– Зане³⁹ знаю, не полюблю его.

– Ой ли! – Мамка уперла полые руки в бока. – Батюшке твоему такие речи не понравятся.

– Ты не сердись, нянюшка, я ведь сама ничего не знаю. Чувство у меня какое-то странное, что-то случиться должно, и худое, и хорошее сразу.

– Так не бывает.

– Я еще Эймунда в глаза не видела, а уж знаю, что он мне не полюбится.

– Главное, чтобы ты ему полюбила. Нас, баб, не спрашивают, кто нам люб, а кто нет.

– Мне боги другого судили.

– Уж не Куяву ли? – насмешливо спросила мамка Злата. – Красив парень, да и по тебе сохнет. Дай волю, девнесь под окнами бы торчал.

– А вот и не Куяву! – сердито ответила Яничка. – Он мне еще неведом, но скоро я его увижу. Я его во сне видела. После бани мжа⁴⁰ меня сморила, вот и приснился он мне.

– Приснился! И каков же он, твой суженый-ряженный?

³⁶ Еврашка – суслик.

³⁷ Балмочь – чепуха.

³⁸ Влатии – ткани.

³⁹ Зане – уже.

⁴⁰ Мжа – дремота, сонливость.

– Не такой, как все. Помнишь, нянюшка, я с девками прошлой зимой на опанках⁴¹ гадала? Сказано мне было, что жених мой будет не из-за моря, а из-за леса.

– И-и-и, страсть-то какая! – Мамка даже присела. – Медведя, что ли, полюбишь?

– Не знаю, кто он, – задумчиво ответила Яничка. – Не такой он, как все. Понимаешь? Чужой вроде, а родной, едино...

– Головы у вас, девок, мякиной набиты! – в сердцах воскликнула Злата. – Сами не знаете, чего хотите. Думаешь, я другая была? Так же, как и ты, ждала суженого. А что толку? Вскую⁴² жизнь прошла! Так меня замуж никто не взял, – губы у мамки задрожали, глаза увлажнились. – Не нарожала я детишек, одна ты у меня родная душа.

– Нянюшка, – вновь заговорила Яничка, думая о своем, – а ты упыря видела?

– Упыря? Чур меня! Да ты что в самом деле? Пусть пресветлый Хорс защитит нас от упырей!

– А правду говорят, что на кого упырь глянет, тот сам упырем станет?

– Балмочь! Упырь всегда зол и крови человеческой алчет, но к чистой и невинной душе доступа не имеет, – мамка пошептала какой-то наговор, подула себе на пазуху. – Хватит о страстях всяких баить. Лучше платье примерь.

Яничка подошла к разложенному на лавке платью из ромейской паволоки, шитому золотыми цветами. Платье оказалось ей впору, только в груди слегка жало. Мамка подала зеркало, и Яничка смогла оглядеть себя.

– Хорошо! – восхитилась мамка. – На ножки-то постолы⁴³ ромейские наденешь. А волосы я тебе заплету.

– Нянюшка! – позвала Яничка.

– Чего?

– А верно, что у Мирославы муж был упырь?

– Рутгер-варяжин? – Злата вздохнула. – От одних я слышала, что Рутгер еще до женитьбы на твоей сестре был колдуном, в варяжских краях их много. А еще мне говорили, что сразу после свадьбы Рутгер поехал на охоту, и там его покусал волк, а волк-то был непростой, а волкодлак, оборотень – чур меня! От того укуса Рутгер разболелся и помер, что к лучшему для него было.

– Это почему?

– Потому что, коли б Рутгер от того укуса не умер, то сам бы оборотнем стал.

– Нянюшка, страшно-то как! – прошептала княжна.

– Знамо страшно... Сиди смирно, а то весь бисер рассыплю.

– Нянюшка, а что с Мирославой случилось?

– Схоронила она мужа, осталась вдовой, да еще чреватой. Отец и пошли ее к родне Вешницы, жены своей первой, в землю бодричскую. Там ее хазары и умыкнули. Набег был большой, много тогда итильцы поганые жен и детишек в ясырь взяли...

Мамка еще что-то говорила, но Яничка ее больше не слушала. Ей вновь вспомнился сегодняшний сон. Она не могла понять. Почему ей приснились такие странные вещи. До сего дня она мало что знала о своей сводной сестре Мирославе, а о Рутгере-варяжине и вовсе узнала лишь вчера. Теперь же они явились ей во сне, и с ними был третий, неведомый, незнакомый Яничке, но отчего было ей так радостно встретить его? Княжна силилась понять, но не могла.

⁴¹ Опанки – чашки.

⁴² Вскую – напрасно.

⁴³ Постолы – сандалии.

– Вот и все, – облегченно вздохнула мамка, завершив свою работу. – Коса сверкает, как из золота! Повязку с колтами позже наденешь... Что-то ты бледная сегодня. В бане не угорела ли?

– Ноги у меня слабые, нянюшка.

– Это от ожидания. Скоро братья за тобой придут. Да и мне пора переодеться, чтобы тебя сопровождать.

– Ступай одевайся.

Злата поклонилась и ушла. Княжна встала с лавки, подошла к окну. Начинало вечереть, тени стали гуще и длиннее, край огромного багрового солнца уже коснулся вод Большого Холодного озера. Березы у терема кланялись под порывами ветра. Со двора были слышны гомон, смех и крики – челядь готовилась к пиру, накрывала столы. Но княжна думала не о пире, не об Эймунде. Ее взгляд был прикован к темной полосе леса по берегам озера. Кто-то или что-то в этой чаще влекло ее, ей даже казалось, что какой-то голос называет ее имя, и эхо разносит его над водами озера. Холод пробежал по спине Янички, сердце екнуло, и страх перед неведомым растекся по телу до самых кончиков пальцев.

– Кто ты? – прошептала княжна, вглядываясь вдаль. – Кто ты?

Князь Рогволод был доволен. Давно уже на княжеском дворе не собиралось столько народу – весь Рогволодень собрался на княжеский зов, только холопей не было. За столом едва хватило мест. Десятки факелов и мазниц пылали по периметру двора, освещая разудалое пиршество. Не поскупился князь для дорогих гостей: его огнищане достали из сундуков и ларей льняные скатерти, серебряную и медную посуду, кубки, чаши. Все было приготовлено, чтобы утолить асыть⁴⁴ княжеских – похлебки из ячменя, овса и овощей с грибами и мясом, зажаренные и запеченные туши баранов, косуль, прочей дичи, молочные поросята, гуси с подливой из боярышника и клюквы, тетерева, утицы, кряхтуны, рябчики громоздились на огромных блюдах, радуя обжор своим видом и дивным запахом: с мясом соседствовала рыба – золотистые осетры, белая и красная рыба, жирный налим, судаки и сомы, тающий во рту угорь, корюшка, снетки, багровые раки. От груд мяса шел ароматный пар, смешиваясь с чадом факелов и медовым духом. Вдоволь было хлебов, сыров, меда, свежих, моченых и соленых грибов, ягод, корений, овощей всяких, которым время в середине лета. Чтобы запить жирную и напеченную снедь, прислуга разносила в огромных ковшах старые меды из княжеских медуш, а в заросших селитрой сулеях подавались ягодные наливки крепости необыкновенной. Понятно, что пирующие радовались этому изобилию, а еще больше – возможности без оглядки погулять и повеселиться, ибо где же найти место безоглядному веселью, как не при дворе княжеском?! Пир еще не дошел и до середины, а многие гости уже были пьяны: разгоряченные вином и медом, начинали пить безобразно, погрузив лица в ковши, все громче раздавалось пение, и слышалась уже перебранка, пока беззлая, и потому слуги еще не растаскивали забияк. Некоторые из гостей, то, что послабее на выпивку, заснули, и их унесли холопы. Оттого пир не стал менее удалым. Варяги и анты, дружинники, охотники, торговцы ели, пили, орали песни, колотя костями по столам, братались, обнимали друг друга, проливая на одежду напитки. Все шумнее и веселее становилось собрание, все живее опорожнялись ковши и чаши.

Немногие в этом развеселом собрании еще оставались трезвыми. Отец Бродерик, которого в знак уважения к его посольскому чину усадили сразу за ярами одесную от князя Рогволода, почти не ел и лишь слегка пригубил мед. С другой стороны собрания молчаливая Яничка прятала глаза от слишком жаркого взгляда молодого Эймунда. Сам же Эймунд,

⁴⁴ Асыть – обжорство, голод.

которого словенская красавица покорила с первого мгновения их встречи, пил без меры и давал клятвы, что уже этой осенью положит к ногам Рогволода вено⁴⁵ за девушку.

– Не рано ли говорить об этом? – поддевал его хмельной и веселый Ринг, которому тоже приглянулась дочь Рогволода. – И уверен ли ты, брат, что именно такая жена тебе нужна? Она не красивее дочери Мортена Красного, а на вид гораздо более щуплая. Клянусь Тором, крепких сыновей от нее не будет.

– Нет, я влюбился в нее! – упрямо повторял Эймунд. – Ты просто слеп, брат. Посмотри, какая стать, как изящно она ест. Ей предназначено быть королевой. Разве можно равнять ее с дочерью Мортена, с этой глупой гагарой, у которой зад такой же большой и неуклюжий, как корма византийской галеры? А какие у нее глаза, посмотри! В них цвет северного неба!

– Сейчас Эймунд начнет отбивать хлеб у скальдов, – прошептал Инглинг ярлу Вортгангу.

– Но почему она на меня не смотрит? – продолжал Эймунд, уже нетвердо выговаривая слова. – И почему меня не посадили рядом с ней? Я пойду и сяду с ней рядом!

– Да избавит Тор тебя от такой глупости, брат! – сказал Ринг. – Сесть рядом с бабами негоже для воспитанника Браги.

– Тогда пусть ее посадят сюда вместо этого монаха, – заявил Эймунд.

– Уймись, мальчишка! – грозно прикрикнул Вортганг. – Придет время, и ты наглядишься на эту девку до тошноты.

– Что ты сказал? – взглянул на него Эймунд, до которого не сразу дошло сказанное Вортгангом. – Ты назвал мою невесту девкой? Ах ты, старый пивной котел! Ты оскорбил мою невесту, и я забью твои слова тебе в пропитую глотку. Ты у меня отправишься в страну мертвецов!

– Никому неизвестно, кто из нас раньше станет всадником на коне смерти, – со злоеющим спокойствием сказал Вортганг. – Но если хочешь драться, начнем сейчас. Я тебя так отделаю, что от твоей рожи будет тошнить даже падальных мух.

– Ты, старый морж!

– А ты щенок, сын потаскухи!

– Эй вы, закройте ваши пасти! – рявкнул Браги, понявший, что пьяные ярлы свернули на нехорошую дорожку. – От вашей пьяной болтовни у меня пучит живот.

– О чем они спорят? – спросил Рогволод, который не так хорошо знал норманнский язык, чтобы уследить за смыслом перебранки варягов.

– Мой воспитанник и приемный сын Эймунд восхищен красотой твоей дочери, брат, и клянется, что женится на ней, едва кончится поход в Готеланд, – пояснил Браги, – а старый ворчун Вортганг его вышучивает.

– Романей! – велел Рогволод, протянув виночерпию свою чашу.

К вечеру лихорадка немного отпустила князя, и Рогволод чувствовал себя почти здоровым. Правда, ел он очень мало и с начала пиршества все лучшие куски с опричного блюда подкладывал Браги, который ел с завидным аппетитом и пил без меры. Вина старый князь тоже почти не пил.

– Однажды, много лет назад, я и мой славный побратим, преславный Браги Ульвассон, уже скрепили наше родство узами крови, сочетав браком ярла Рутгера, брата Браги, и мою дочь Мирославу, – начал князь, поднявшись со стола⁴⁶ и держа в руке чашу с вином. – Боги вразумили нас. Этот союз прекратил кровавую войну между нашими родами, дал нам мир. Мы стали не только добрыми соседями, но и родичами, и все вы свидетели, что жили мы с братьями нашими варягами долгие годы в мире и любви. Ныне мыслю закрепить братство

⁴⁵ Вено – выкуп отцу невесты.

⁴⁶ Стол – княжеское место.

наше новым брачным союзом. Если будет на то воля богов, то пусть дочь моя Яничка станет женой ярла Эймунда. Пью за их будущее счастье, за их потомство!

– Хэйл! – заорали викинги, гремя ковшами и чашами в буйном восторге.

– Слава! – подхватили словене.

Затрубили в рога. Красный от радости и смущения Эймунд поднялся с места, благодарил, бормотал что-то. Со всех сторон на него сыпались самые непристойные пожелания. Что же до Янички, то краска покинула ее лицо, все тело одеревенело и стало непослушным – только руки нервно ломали жареного бекаса на блюде. Она слышала эти поздравления, эти пожелания и готова была бежать вон, спастись от этих людей.

– Исполать⁴⁷ князю Рогволоду! – зычно провозгласил кто-то из гостей, и собрание подхватило этот крик, заглушаемый ревом рогов и звоном ковшей.

Лицо Рогволода будто озарилось изнутри мягким сиянием. Он выпил романею, заговорил вновь:

– Свадьба – дело хорошее, радостное, и все мы не прочь погулять на ней. Но слушайте мое княжеское слово. Не со сватовством одним прибыли сюда братья-варяги. Великое лихо творится у края земель наших на закат солнца. Свирепый и беспощадный враг пришел в страну соседей наших – готов. Королева готов, сестра моего побратима Браги, попросила помощи, и варяжская дружина скоро отправится на выручку королеве. Пристало ли нам, братия, оставаться в стороне, когда други и союзники наши ополчились на рать? Посему вот мое решение. Скреплены мы побратимством с варягами, их враг становится врагом нашим. В помощь преславному Браги посылаем мы дружину из охочих людей числом в пять сотен, а возглавят ее сыны мои Боживой, Первуд и Горазд.

Слова князя взорвали собрание. Большинство из пирующих на дворе были дружинниками – решение Рогволода вызвало у молодых княжеских гридней восторг неопишуемый. Поднялся такой крик, что даже рев рогов не мог его заглушить. Дружинники выкрикивали здравицы князю, обнимались с варягами. На губах Браги появилась довольная усмешка.

Впрочем, из семи сыновей князя не все были довольны решением. Княжичи Ведмежич, Радослав и Ярок надеялись, что отец и им накажет идти в поход с варягами. Такой поход означал добычу немалую и уважение дружины. Рогволод же поставил старших братьев над ними, передав охочую дружину им. Седьмой же сын, Выеслав, о том не думал, ибо был слабоумен и улыбался, играя серебряной ложкой.

– Батюшка, а мы? – сказал Ведмежич, поднявшись со своего места. – Ты отдал полк под начало наших братьев, отчего же нам с ними не пойти?

– А кто оборонит нас от хазар, коли придут? – с раздражением спросил Рогволод. – Глуп тот, кто удаляет из земли своей все войско. Часть воев будет здесь, вы мне и пригодитесь.

– А Ратша, батюшка?

– Ратша боил, – резко оборвал князь, – а большим полком командовать должен князь. Сядь, Ведмежич, не суесловь.

– Хорош молодец! – шепнул Ринг Вортгангу. – Здоров, как бык, и силен, сразу видно.

– Но умом не вышел, принародно отцу перечит, – ответил Вортганг. – Не быть ему конунгом у антов.

Младшие княжичи были расстроены и не скрывали своих чувств. Самый младший, четырнадцатилетний Ярок, вообще был готов расплакаться от обиды. Не будет им славы, не будет богатой добычи! Зато Боживой просто светился от счастья. Был в словах Рогволода тайный смысл, и присутствующие его поняли: князь отдавал Боживую дружину, а это многое значило. А если погибнет в сече Боживой, пусть либо Горазд, либо Первуд, первый сын князя от второй жены, возглавляют дружину – и сменят князя, если будет на то воля старей-

⁴⁷ Исполать – слава.

шин антов, если боги на то укажут. Шепот прошел по собранию, гости обсуждали мудрое княжеское решение. Чтобы оживить пир, Рогволод велел позвать скоморохов.

– Мы на пирах слушаем саги, – сказал Браги князю, – а не смотрим на кривляющихся рабов. Есть ли у тебя сказитель, брат?

– Был старик, да помер. Иного нет.

– Жаль. Знал бы, своего привез. У меня скальд лучший в Норланде, сочиняет квиды,⁴⁸ что мозговые кости раскладывает. Хочешь, сочинит тебе сагу в размере форнирдислаг, хочешь – в размере льодахаттр...

Браги умолк, увидев, что к Рогволоду пробирается воевода Ратша. Старый боил не был на пиру, а поднялся откуда-то из темноты, одетый буднично и с озабоченным лицом. Браги напряг слух, заметив, что Ратша зашептал что-то князю на ухо. Глаза Рогволода вспыхнули огнем, впалые щеки порозовели, словно огник⁴⁹ опять навалился на Рогволода.

– Зови его, Ратша, – шепнул князь. – Зови, я гостям скажу...

– Скверные вести? – спросил Браги, заподозрив неладное.

– Пришло время, которого я ждал и боялся. Время истины. Однажды я солгал тебе, сказал, что семя Рутгера пересеклось. У Рутгера есть сын. Ныне же увидишь его.

– Сын Рутгера? – Браги недоверчиво сощурился. – Какой сын?

– Сын от Мирославы.

Рогволод напрягся в ожидании, не сводя глаз с черного проема ворот, в которые, незамеченный пирующими, вышел Ратша. Проема, из которого должен был появиться последний – и самый долгожданный гость.

– Клянусь Одином! – воскликнул Браги. – Ты говорил, что жену Рутгера украли хазары. Ты нашел ее сына у хазар?

– Смотри, сам все поймешь, – дрожа всем телом, ответил старый князь.

Минуты не прошло, как вернулся Ратша. За ним, ступая свободно и не пряча лица, вошел Рорк в одежде из лосиной кожи и в сапогах-пошевнях. На поясе Рорка висел меч Рутгера. Собрание затихло, увидев нового гостя и гадая, кто это, и в наступившей тишине голос Рогволода прозвучал ясно и отчетливо:

– Добро пожаловать, внук!

⁴⁸ Квида – эпическая песня у скандалистов.

⁴⁹ Огник – лихорадка.

IV

Пади с неба на княжеский двор молния, она не наделала бы такого ужаса, как появление Рорка. Вмиг протрезвели самые хмельные, румянец сошел с лиц, умолкли голоса, и стало слышно даже дыхание людское. Все глаза обратились на того, кто уже двадцать лет назад был объявлен умершим, на ком лежало страшное проклятие Рутгера – варяжина, с кем связывали многие несчастья народа антов и о ком Рогволод под присягой говорил, что нет его в живых. Теперь люди увидели – солгал князь. Призрак, рожденный на погибель народу антов, явился из небытия во плоти и крови и поразил ужасом самые отважные сердца.

В настоящей тишине Рогволод поднялся со своего места. Князь старался придать лицу приветливое выражение, но получилась жуткая гримаса то ли боли, то ли страдания.

– Внук мой Рорк! – сказал он. – Ты принял мое приглашение, и я этому рад.

Молодой человек поклонился, но говорить не стал. Десятки пар глаз со страхом смотрели на него, он же старался смотреть лишь на Рогволода. Князь изменился за те годы, которые Рорк его не видел, – осталась тень прежнего могучего человека из детских воспоминаний Рорка. Лишь этот больной и дряхлый человек стоял ныне между Рорком и перепуганной толпой. Рорк был отважен, но чувствовал, как темный липкий страх овладевает им. Никогда еще не приходилось ему оказаться среди стольких людей, да к тому же враждебно настроенных. Он чувствовал их ужас и оттого сам был испуган.

Браги Ульвассон вышел из оцепенения. В первые мгновения, увидев лицо Рорка, он даже привстал с лавки и стоял, выпучив глаза, будто охваченный столбняком, затем повернулся к Вортгангу и шепнул:

– Клянусь змеей Мидгадр, этот парень – вылитый Рутгер!

– Вижу, – проскрежетал Вортганг, по лицу которого вдруг пошли багровые пятна. – Но он совсем седой! Сколько же ему лет?

– Этой весной исполнилось двадцать, – неожиданно ответил Рорк.

– Э, да он говорит на нашем языке! – изумился Браги.

– Моя мать научила меня, – сказал Рорк.

– Стало быть, ты знаешь, кто твой отец? – спросил Браги.

– Знаю. Мой отец урманский ярл Рутгер, сын Ульва.

– Подойди ко мне, внук, – велел Рогволод.

Рорк пошел меж столами к княжескому месту. Сидевшие за столами в испуге отшатывались от него, когда он проходил мимо. Шепот рождался за его спиной, в ропщущей толпе было что-то грозное.

Лицо Рорка стало бледным, как у навии.

– Ты просил прийти, княже, – сказал он, глядя деду прямо в глаза. – Приглашение было почетным, отказать я не посмел. Я твой гость.

– Подойди, прими мой поцелуй, – ответил Рогволод.

Изумленный вздох прошелестел над столами. Но князь уже коснулся губами лба Рорка и без сил опустился на свое место.

– Купша, – велел он дюжему сотнику с серебряной гривной на шее, сидевшему сразу за младшим сыном Яроком, – дай место моему внуку!

Молодой Ярок даже сомлел от страха. Но Рорк продолжал стоять пред князем.

– Поди же! – велел Рогволод.

– Негоже мне сидеть с ними, – странным тоном сказал Рорк. – Мое место в лесу, среди зверья, не среди людей.

– Ты мой внук, – возвысил голос Рогволод. – И я призвал тебя не для того, чтобы унижить, а чтобы вознести.

– Верю, княже. В глазах гостей твоих страх. Тревожу я их.

Рорк обвел взглядом собрание. Многие не выдержали этого пристального взора, отвели глаза, начали шуриться и бормотать наговоры. Только Яничка и варяги не выказывали страха. При появлении Рорка Яничка едва не лишилась сознания, ее сердце затрепетало, кровь хлынула в голову, ноги стали ватными. Она узнала того, кто привиделся ей в давешнем сне. Сидевшая рядом мамка Злата, сама еле живая от страха, все же заметила, что ее дитячко вот-вот упадет без чувств, и подхватила девушку под руку, чтобы вывести из-за стола и увести с пира прочь. Но княжна очнулась, неожиданно вырвалась из рук мамки.

– Оставь меня! Никуда я не пойду...

– Чего эта деревенщина так перепугана? – обратился Вортганг к Железной Башке. – Они от страха готовы под столы залезть.

– Князь все объяснит, – тихо сказал Браги.

– Княже, – заговорил Рорк, чувствуя, что наступившее молчание еще больше пугает людей, – я пришел по твоей просьбе, с миром и любовью в сердце. И еще я благодарю тебя за меч, который ты мне подарил. Есть у меня и для тебя подарок. Когда-то мать взяла с меня клятву, что если судьба сведет нас с тобой, я никогда не попрекну тебя тем, что ты сделал с нами. Клятва моя нерушима. Но одну роту⁵⁰ не перебивает другая. Вот поминонок,⁵¹ который я давно поклялся тебе сделать!

– Что это? – Рогволод вперился очами в кожаный мешочек, который Рорк вынул из-за пазухи и положил наземь.

– Земля, княже. Дочь твоя Мирослава уже четыре года покоится в этой земле.

– Пусть все слушают меня! – раздался за спиной Рорка громкий и властный голос.

Новый гость вошел во двор. Световид, высокий, костистый сумрачный жестокий старик, верховный волхв Сварога, медленно прошествовал к княжескому столу, встал рядом с Рогволодом.

– Я скажу то, что вы все должны узнать, – заговорил Световид. – Много лет назад было мне откровение от богов об этом отроке. Боги говорят туманно, но имеющий глаза и уши видит их знаки и слышит их речь. Я увидел и услышал. Когда Рутгер умер от укуса страшного зверя, терзавшего наши земли, вдова его, дочь князя, осталась на сносях, и мне, волхву, подобало бы охранить ребенка княжеской крови паче прочих. Но когда ребенок родился, мне стало ясно, что лишь два пути есть у нас – либо убить дитя, либо изгнать прочь. Убить ребенка княжеской крови мы не могли и потому удалили его вместе с матерью с глаз людских. То была воля богов, а не прихоть моя, не поступок Рогволода. Разве я ошибся? Взгляни, княже, на того, кого зовешь ты своим внуком! Разве не видишь? Разве не видите все вы? Эти желтые, как у волка, глаза, эти волосы, похожие на волчью шерсть? Проклятие, постигшее Рутгера, передалось с кровью его сыну. И ныне в жилах Рорка течет волчья кровь, кровь зверя. Угубина⁵² наша раскрыта тобой, княже, – так моли богов, чтобы внук твой не принес в эту землю зло, какому и названия нет!

– Верно! – крикнул кто-то, скрытый за спинами гостей.

Вновь прокатился над собранием угрожающий вздох. Световид, чувствуя поддержку соплеменников, продолжал:

– Пусть внук твой уйдет, княже. Нет ему места в нашей земле. Пусть идет на восток, к хазарам, на юг или ... – тут Световид посмотрел на Браги, – или в землю урманскую, откуда родом его отец. Я, слуга Сварога, свидетельствую – Рорк, сын Рутгера и Мирославы,

⁵⁰ Рота – клятва.

⁵¹ Поминонок – подарок.

⁵² Угубина – тайна.

проклят. Он сын норманна, но не норманн. Он сын человека, но не человек. Пусть уходит! А тебя боги простят за то, что оторвал ты родную кровь для блага народа своего.

– Простят? – Рогволод выпрямился, простер руки к людям. – Вот стоит перед вами внук мой, которого я не видел уже пятнадцать лет. Да, это я спрятал дочь свою и внука от взоров людских, потому что поверил ведунам. А в чем была вина моей дочери? В том, что муж ее, Рутгер, избавил наши земли от чудовища и был укушен зверем в схватке, тяжело оттого заболел и умер? В том, что зачал Рорка, еще не зная о своем страшном недуге? Моей дочери больше нет. Я дал клятву, потому что хотел добра антам: я скрыл их в лесу, о чем знали волхвы. Теперь я призвал Рорка обратно. Ты говоришь, Световид, он принесет зло в нашу землю? Но он живет на ней уже двадцать лет. Где же зло, сотворенное им? И может быть, мой внук спасет всех нас от беды, которая еще не пришла, но скоро, скоро придет!

– Отец, что ты говоришь?! – воскликнул изумленный Боживой.

– Истину говорю! – кричал князь. – Мне было видение. Смерть идет на нас от заката солнца...

– Ты пригласил его, княже, – ответил Световид, – ты и вели ему уходить подобру. Нет ему места в нашей земле!

– Пусть он уйдет! – прокричали из толпы.

Теперь уже слова волхва воодушевили толпу. Вспоминалась всем ложь Рогволода. Князь, некогда поклявшийся Перуном, что внук его похищен хазарами, солгал, и теперь обман раскрылся. Недавний ужас сменился яростью. Появление сына Рутгера показалось многим дурным знамением: люди хватались за обереги, пятились, опрокидывая лавки, скидывая блюда и енды со столов. Вокруг Рорка образовался круг, перейти который никто не отваживался.

– Смотрите, у него глаза светятся! – взвизгнул вдруг женский голос.

– Волкодлак! Упырь!

– Он сожрет наших детей!

– Это он резал наш скот!

– Я чувствую нечистый дух от него! Пресветлый Хорс, помоги нам!

– Вон! Тащи его вон!

– Ой, боюсь! Он зубами щелкает!

– Смерть этому волкодлаку! В огонь его!

– В кипяток! В жупел! Осинovým колом его!

Рогволод что-то кричал, размахивая руками, но его уже никто не слушал. Распаленные собственным страхом, одурманенные вином гости князя, почувствовав растерянность хозяина и воодушевленные словами Световида, осмелели – ненависть к отродью Рутгера пересилила страх перед Рорком и уважение к священному закону гостеприимства и князю Рогволоду. Кольцо вокруг Рорка начало сжиматься, задние напирали на передних, пытаясь из-за их спин дотянуться до молодого человека. В Рорка полетели кости, огрызки, посуда. В руках заблестели ножи, кое-кто выхватил факелы из подставцов. Рогволода никто больше не слышал. Рорк и не думал сопротивляться: он стоял среди врагов, скрестив на груди руки и ждал.

Но кровь не пролилась. Кто-то, протиснувшись между разъяренными людьми, бросился между ними и Рорком.

– Назад! – приказал властный женский голос.

– Смотри-ка, княжна! – зашептались в толпе. Круг застыл, немного подался назад.

Одновременно Браги Железная Башка перелез через пиршественный стол и закричал:

– Ко мне!

Вмиг между толпой и Рорком возникла живая стена из двух десятков вооруженных варягов. Это куда сильнее, чем заступничество княжны, подействовало на толпу, остудило ярость людей.

– Жалкие трусы! – крикнула Яничка, и глаза ее горели гневом. – Как смее в княжеском доме котору⁵³ затевать?

Толпа замерла, и непонятно, что страшило ее больше – сам Рорк, варяги или же мужество пятнадцатилетней девочки. В другое время их не остановили бы ни огонь, ни сталь, но сейчас даже закаленные в битвах мужи поняли, что поступают недостойно. Слепая ненависть к Рорку сменилась стыдом и молчаливой покорностью. Еще сжимались кулаки, еще горели глаза, еще срывались с уст проклятия, но опасная минута уже прошла.

Рорк, еще не понимая, что случилось, с недоумением смотрел на Яничку. Постепенно изумление его перешло в восхищение. Отвага и красота этой девушки глубоко тронули сердце Рорка.

– У тебя кровь на лице, – сказала Яничка и подала Рорку льняной платок. – Вот, возьми.

– То не кровь, – Рорк все же принял платок, поднес к лицу, наслаждаясь ароматом летних цветов и юной красоты. – Наливка, верно. Кто ты, красавица?

– Уходи, прошу тебя.

– Если велишь – уйду.

– Князь умирает! – вдруг завопил кто-то.

Истошно закричала женщина. Все бросились к Рогволоду, который, пытаясь встать со своего стола, вдруг опрокинулся навзничь и тяжело грянулся на землю, таща на себя тяжелую златотканую скатерть. Лицо Рогволода было перекошено, глаза налились кровью, на губах появилась пена.

– Отравили! – заголосили в толпе. – Опоили ядом!

В поднявшейся суматохе один Браги не потерял присутствия духа. Он быстро отдал приказ, и его варяги кулаками начали размыкать тесное людское кольцо вокруг упавшего князя. Боживой и другие сыновья хлопотали над отцом, плескали ему водой в лицо, растирали руки и ноги, но тщетно: князь только хрипел и ворочал остекленевшими от ужаса глазами. Волхв Световид лишь безнадежно развел руками. Князя сразил внезапный удар.

– В горницу его! – вполголоса велел он слугам.

Пир закончился печально. Гости разбежались, двор терема опустел. Остались одни варяги. Упирающуюся княжну увела мамка. Сыновья князя и Световид, многие дружинники ушли в терем, чтобы остаться с заболевшим князем. Еще недавно во дворе кипело веселье, теперь же столы были опрокинуты, лавки повалены, кушанья втоптаны в землю, и смоляные факелы чадно догорали среди луж пролитого меда и разбросанной утвари. И никто не заметил, куда делся Рорк. Браги спохватился слишком поздно.

– Болезнь князя может все разрушить, – сказал Ринг, когда варяги остались одни. – Княжата ненадежны, я по их рожам понял. Им меды пить, не на войну ходить.

– Пустое, я уговорю их, – ответил Браги, думая о другом.

– Клянусь, до смерти не забуду этот пир! – ворчал Вортганг. – У меня руки чесались пустить деревенским дуракам кровь. Хорошо, мечей с нами не было.

– Мы поступили легкомысленно, согласившись оставить мечи слугам, но хвала богам, что это случилось. Нас бы перебили, как овец. Теперь меня заботит этот парень, сын Рутгера.

– Не беспокойся, отец, – сказал Ринг. – Рорк сам нас найдет.

– Как же, найдет! Эти болваны его смертельно обидели.

– Но как она прекрасна! – неожиданно воскликнул Эймунд.

– Дочь князя? – Браги выпятил бороду. – Эта дева достойна похвалы, она храбрее всех этих трусливых баранов. Если бы не она, Рорку пришлось бы худо... Проси богов, Эймунд, даровать ее тебе в жены.

⁵³ Котора – ссора, распря.

От терема князя викинги спустились к берегу Дубенца. Браги решил на всякий случай быть поближе к кораблям и к своей рати. Испуганные вестями о происшедшем в княжеском тереме, жители Рогволодья попрятались в своих хатах, и только собаки во множестве бродили по городу, время от времени поднимая многоголосый лай. Следом за вождями викингов шел и совершенно ошеломленный виденным отец Бродерик. Он постоянно осенял себя крестным знамением и говорил сам с собой, мешая готский и латынь.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа! – бормотал монах, стараясь не отстать от варягов. – Какие времена настали! Бесовский город, бесовские язычники, бесовская трапеза! Безбожные разбойники и язычники собрались вместе, как в Вавилоне. И от них ныне зависит судьба моей страны и моей королевы. Истинно сказано: «Неисповедимы пути Господни!» Чтобы избавить страну от чумы, в нее приходится призвать проказу. Просвети и наставь меня, Господи, укажи мне путь правый во тьме, избави меня от козней дьявола и свирепости язычников...

Впереди громко захохотали варяги – так громко, что собаки всполошились, и кто-то невидимый отозвался на их яростный лай жутким зловещим воем. Лицо отца Бродерика покрыл ледяной пот. Догоняя варягов, он еще раз проклял Аргальфа, дьявольские силы и этот город язычников, который когда-нибудь обязательно постигнет участь Содома и Гоморры.

Рорк остановился только у городских укреплений. Здесь было пустынно и тихо, даже городская стража куда-то подевалась. На деревянных башнях у ворот горели фонари, но людей видно не было. Рорк не боялся стражи, но попадаться ей на глаза не хотел. Больше всего ему хотелось одного – покинуть этот мерзкий город и вернуться в лес. Поэтому Рорк быстро поднялся на лесенки, с них перебрался на галерею-стрельницу по верху палисада, а оттуда перелез через частокол и спрыгнул вниз на мягкую землю. Теперь он был свободен.

Лютая злоба улеглась, осталась только обида. Молодой человек совсем по-другому представлял себе встречу с родней. Он ожидал настороженности, холодности, недоверия, даже неприязни, но никак не думал, что столкнется с таким ужасом и такой враждебностью. Никто не увидел в нем человека. Если когда-то боги наказали его, наслали неведомое проклятие, то сегодня от него отвернулись и люди. Рорк так и не понял, зачем Рогволод пригласил его, что хотел сказать – несколько странных восклицаний князя ничего не объяснили. А дядья-княжичи были готовы поднять его на рогатину.

Верно говорила мать: волку не место среди людей.

Рорк вспомнил о платке. Тонкая льняная ткань испускала дивный аромат. Рорк с наслаждением втянул его ноздрями. Пахло цветами, юностью и красотой, и сердце Рорка сжалось. Он вспомнил о матери. Сегодня княжна защитила его, ворвалась в круг, раскинула руки, как крылья, закрывая его от ножей разъяренных, охваченных ужасом бражников – и этот жест Рорк помнил слишком хорошо. Так же четыре года назад мать встала между ним и громадным диком,⁵⁴ выскочившим на Рорка из кустарника, закрыла сына, приняла вепря на рогатину. Но хрустнуло ратовище, не остановило зверя. Долго потом Рорк сидел над телом матери, то воя, как волк, то плача, как человек.

Нет волку места среди людей!

Говорила Мирослава, что велика Земля, что на север, юг, запад и восток живут другие народы и языки в бесчисленном множестве. Словенин по матери, варяжин по отцу – кто он? Как сказал сегодня проклятый волхв: «Сын норманна, но не норманн. Сын человека, но не человек?» Рорк всегда почитал себя антом, теперь неродное племя отвернулось от него, прокляло, смерти хотело предать, презрев законы гостеприимства, под княжеским кровом –

⁵⁴ Дик – кабан, вепрь.

за какую вину, за какие преступления? Одного ли суеверия ради? Или же намеренно заманил его дед в ловушку? Если так, пусть будет война. Пусть будет месть за отказ в праве быть человеком. Он, Рорк, будет драться, пока неблагодарная родня не приползет к нему на брюхе с мольбой о мире.

Какая-то тень шевельнулась на бревенчатой стене. Рорк потянулся к мечу, но потом сообразил, что неизвестный появился не со стороны детинца, а с противоположной стороны, от реки. Присмотревшись, Рорк увидел рослого человека, обращенного к нему лицом.

– Я видел на тебе меч Рутгера, – сказал неизвестный на норманнском языке. – Ты Рорк, сын Мирославы.

– Какое тебе до меня дело?

– Хочу пригласить тебя на ужин и беседу.

Рорк подумал о подсланных убийцах, но неизвестный не был похож на татя – скорее, был воином. Впрочем, Рорк был при мече и мог за себя постоять.

– Я проклят, – сказал он. – Иди, если не хочешь, чтобы мое несчастье пало и на тебя.

– Я знаю о том, что случилось. Я был другом твоего отца.

Рорк уже ничему не удивлялся в эту беспокойную ночь, но слова призрака наполнили его душу трепетом.

– Ты викинг, – сказал он.

– Викинг. В этой земле я чужеплеменец, как и ты, – человек подошел ближе, протянул руку. – Я так же, как и ты, много лет жил изгоем. Меня зовут Турн, я кузнец. Пойдем со мной, мне есть что тебе рассказать.

Рорк, гадая, что все это может значить, пошел за кузнецом. Турн привел его не в город, а за возделанные поля, к берегу Дубенца – туда, где в прежние времена был поселок северян, основанный лет за пять до рождения Рорка. Викинги часто останавливались здесь по пути на юг, в ромейские земли, отдыхали, чинили корабли, торговали с местными. Свар они не затевали, и все было хорошо до поры до времени, пока однажды не завязалась пр⁵⁵ меж тогдашним князем антов Ведомиром и варягами – умыкали де северяне местных девок себе на забаву. Правда ли то была, нет ли, но анты пожгли поселок, а варягов перебили и побросали в Дубенец. Месть викингов была скорой и страшной: в землю антов примчался со своей дружиной ярл Улаф Безносый, отец Браги, и учинил такую резню, что мало кто уцелел. Рогволодень викинги разорили дотла, а самого Ведомира по приказу ярла прибили железными костылями к дереву и так продержали до тех пор, пока князь не умер. Устрашенные расправой анты запросили мира. Новый князь Рогволод сам возглавил посольство к ярлу Улафу, повез дары – скору,⁵⁶ мед, скот, серебро. Свирепый Улаф дары принял, послов областал. Мир был заключен. Вожди словен и викингов лили воду на мечи, и Рогволод на радостях пообещал свою юную дочь Мирославу в жены сыну Улафа Рутгеру. Свадьбу сыграли через два месяца, в день солнцестояния, когда лик Ярила светит над землей долее всего. Свадьба получилась пышная, веселая, хмельная, но счастья молодым не принесла. Могло ли по-иному быть, если Рогволод свою дочь отдал дикой вирой⁵⁷ за убийство варягов? На том месте, где стоял сожженный антами поселок, теперь стояли несколько хижин, в которых жили бывшие рабы – чужеземцы, мордва да пруссы, и кузница. Место среди словен почиталось нечистым, и самого Турна люди боялись, считали одержимым, но приходили в кузницу часто – оковать лемех железом, закатать серп, наконечник для рогатины или топор. Сам же Турн в городе бывал редко, жил на отшибе долгие годы. В Норланд возвращаться он не хотел, а для антов своим не стал.

⁵⁵ Пря – ссора, распря.

⁵⁶ Скора – пушнина.

⁵⁷ Дикая вира – штраф за убийство.

Хижина кузнеца оказалась просторной и чистой. Турн запалил мазницу, и теперь Рорк мог его разглядеть. Кузнец был немолод, но силен и подтянут, да и одет хорошо – рубаха из доброго сукна, овчинный плащ застегнут золотой фибулой,⁵⁸ пояс с серебряной бляхой. В углу хижины на подставке Рорк заметил отличный боевой топор с полукруглым лезвием на длинной полированной рукояти.

– Я давно искал тебя, – сказал Турн, приглашая гостя сесть на лавку, покрытую медвежьей шкурой. – Да только волх Световид смертью мне пригрозил за любопытство.

– Я помню тебя. Ты бывал в нашем доме в лесу.

– Помнишь? Ты тогда совсем ребенком был. Верно, приходил я к вам несколько раз. Я хотел на матери твоей жениться, но она не согласилась. Отца твоего очень любила. Родня твоя желала ее убраться подальше, куда-нибудь в чужедальние края.

– Они прогнали меня, хотели убить, – с горечью сказал Рорк.

– Это меня не удивляет. Анты суеверны, да и норманны ничем не лучше. Все люди боятся духов. Знаешь ли ты, зачем конунг Рогволод призвал тебя?

– Нет.

– Это большая тайна. Мыслью я, что Световид, пес хитрый, ее знает, потому и поставил тебя убраться, отродьем демонским ославить.

– Тайна? Я не понимаю тебя.

– Сперва выпей меду, он согреет тебя и прогонит дурные мысли.

Турн разлил мед по ковшикам, один подал Рорку, другой взял сам. Мед у кузнеца был догарный,⁵⁹ душистый, и Рорк в самом деле ощутил прилив сил:

– Одному я рад: что боги не оборвали мою жизнь до встречи с тобой, – сказал кузнец, поправляя фитиль в мазнице, чтобы стало светлее. – С твоим отцом я был знаком с юности. Я был рабом у знатного ярла из Нордхейма, вдосталь познал унижения и голод. Но мне повезло – старый кузнец-бритт, такой же раб, как и я, взял меня к себе в ковницу помощником и выучил своему ремеслу. Несколько лет спустя я стал лучшим ковалем по всему побережью. Мой меч, секиры и кольчуги были не хуже мавританских. Своим искусством я заработал себе свободу, стал богатым человеком, построил дом, и твой отец, подружившись со мной, взял меня в свою дружину. Мы были одних лет с Рутгером, и он относился ко мне, как к равному. Прочие же викинги меня не любили, ибо я робичич⁶⁰ и еще ирландец в придачу.

Однажды – было это почти двадцать один год назад – в Турнхалле я давал большой пир, на который пригласил много знатных людей. Был на том пиру и ярл Сигурд из Фроды, славный боец, но темный и опасный человек – говорили, что он колдун и спознал с нечистой силой. Он привез с собой старуху – ворожею по имени Сигню. В самый разгар пира кто-то заговорил о предсказаниях, и Сигурд велел старухе погадать нам. Ведьма тут же рассыпала на шкуре человеческие зубы и кусочки костей и начала прорицать. Внезапно она смолкла и показала пальцем на Рутгера, который сидел рядом со мной.

– Радуйся, благородный Рутгер, сын Ульфа! – пролаяла она. – Жизнь твою прервет укус волка, но ты дашь жизнь тому, кто убьет волка. Быть твоему сыну великим конунгом!

Услышав это, Сигурд нахмурился, а Рутгер беззаботно рассмеялся и замахал рукой.

– С меня будет довольно, если мой сын станет воином! – сказал он.

– Не смейся, Рутгер, – отвечала старуха, – я говорю правду. Если хочешь узнать больше о судьбе своего нерожденного сына, приходи завтра после заката к Трем Камням, на поле битвы.

⁵⁸ Фибула – пряжка-застежка.

⁵⁹ Догарный – крепкий.

⁶⁰ Робичич – сын рабыни.

На этом прорицания старухи закончились, пир продолжился, и все изрядно напились. А наутро с рассветом ко мне пришел Рутгер. Он сказал, что ему привиделся страшный сон, что он все же собирается пойти к ведьме Сигню. Он хотел, чтобы я пошел с ним. Что я мог ему ответить? Мои насмешки ни к чему не привели, он остался серьезен, и я понял, что его решения не поколебать. Вечером, едва начало темнеть, мы пришли к Трем Камням – я хорошо знал это поле. За несколько лет до того здесь произошла большая битва между нашими и датчанами, и убитых тогда было так много, что смрад от них ветер разносил по всей округе.

Ведунья уже ждала нас. Завидев наше приближение, она захихикала зловеще и недобро.

– Сам могучий Рутгер поверил убогой старухе! – приговаривала она, пытаясь коснуться его своими узловатыми пальцами, похожими на куриные лапы. – Что ж, я все тебе скажу, ничего не утаю. Только дай мне свой меч.

– Не давай ей меч, Рутгер! – воскликнул я. – Ведьма напустит на него порчу.

– Глупец! – зашипела ведунья. – Никакая порча не пристанет к стали, напоенной людской кровью. Дай мне меч!

Рутгер подал ей оружие. Ведьма схватила его обеими руками, долго приплясывала с ним, кружа вокруг нас, будто зловещая серая ворона, а потом с силой вонзила меч в землю. То, что я увидел тогда, потрясло меня. Едва меч вонзился в землю, над нашими головами грянул гром, земная утварь заколыхалась под ногами, вспучилась пузырем, потом лопнула, и из провала вышло облако темного пара, которое через мгновение превратилось в человеческую фигуру.

– Отпусти! – прошелестел полный муки и страха голос. – Отпусти!

Я едва не пустился в бегство: облако превратилось в полуистлевшего мертвеца в ржавой броне. Да и Рутгер, человек храбрый, был охвачен ужасом. Ведьма же, держась за рукоять меча, воскликнула:

– Именем обитателей светоносного Асгарда, именем огня, земли, воздуха и воды, именем духов четырех сторон света – Аустри, Вестри, Нордри, Судри – заклинаю: что слышишь ты?

– Вой зверя, – отвечал мертвец.

– Что ты видишь?

– Сына Праматери Хэль. Он идет пожрать этот мир.

– Когда это случится?

– Через двадцать и один год.

– Что ты еще слышишь?

– Топот коней. Это всадники Конца Времен.

– Что ты еще видишь?

– Седого воина. Того, в чьих жилах течет кровь Геревульфа, белого волка Одина. Он будет драться со зверем Хэль и с всадниками.

– Кто он? Ты знаешь, кто он?

– Он сын норманна, но не норманн. Он сын человека, но не человек. Он плоть от плоти Рутгера, сына Ульфа. Я вижу корону конунга на его челе...

– Упокойся! – Ведьма вырвала меч из земли, и мертвец со стоном рассыпался прахом. После этого старуха острием меча начертила на зеленом дерне круг, шепча заклинания, а потом протянула меч не Рутгеру, а мне.

– Ты, оружейник, – сказала она, – сделай для этого меча рукоять в виде волка и освяти его рунами, которые я тебе дам. А ты, Рутгер, жди. Скоро ты станешь отцом. И помни – я всегда говорю лишь правду...

С той ночи Рутгер часто думал о предсказании и о своей смерти. Радость жизни покинула его. Только здесь, в словенских землях, он вновь проснулся для жизни, когда встретил твою мать, княжну Мирославу. Это и понятно – она была редкой красавицей.

– Она давно умерла, – сказал Рорк.

– Значит, ныне они вместе... Пророчество старухи сбылось: через несколько дней после свадьбы Мирославы и Рутгера, близ Рогволодня, волк задрал овец и пастуха. Рутгер всегда был страстным охотником и потому решил убить волка. Волхвы предостерегали его, говоря, что это наказание богов, но Рутгер лишь смеялся над их речами. Он поклялся, что бросит волчицу на их с Мирославой брачное ложе. Он сдержал клятву, волчья шкура стала покрывалом для Мирославы, но волк успел его покусать, прежде чем Рутгер распорол ему брюхо. Вскоре Мирослава почувствовала, что беременна. А Рутгер захворал. Странная болезнь терзала его месяц, а потом он умер – ровно в тот день, когда они с Мирославой впервые увидели друг друга. – Турн вздохнул, выпил меда. – Вот что случилось с твоим отцом. Я поклялся ему, когда он лежал на смертном ложе, что расскажу тебе о прорицании ведьмы. Рутгер верил, что тебе суждено великое будущее.

– Где похоронен мой отец?

– Душа его в Вальгалле, а прах – в водах моря. Я сжег его тело, а пепел высыпал в реку.

– Счастлив тот, у кого есть такой друг.

– Может быть, ты мне закроешь глаза в свое время.

– Но в чем смысл прорицания?

– А ты не догадался? Ты станешь великим конунгом. Чую, потому Световид и изгнал тебя.

– Я не понимаю.

– Минуло двадцать лет и один год. Зверь пришел на землю, и остановить его можешь только ты.

– Странно все это, – Рорк вспомнил о знаках на мече, протянул оружие Турну. – Ты это выбил на клинке. Что это значит?

– Это по-ирландски. Здесь написано: «Замыкающий пасть ада».

– Ты наполнил мой дух смятением, Турн. Я чувствую себя слепым щенком, который ползает в корзине и тычется носом во все стороны, ища выхода.

– Положись на богов, сынок, и они не оставят тебя. Я говорил сегодня с братьями-викингами, прибывшими в Рогволодень, – на запад отсюда началась большая война. Странные и страшные вещи творятся в земле готов. Говорят о каких-то чудовищах-всадниках, о зловещих знамениях. Верно, это то, о чем говорила ведьма, – зверь Хэль вырвался на свободу, а это значит, что твое время пришло. Ты должен исполнить свое предназначение. Боги знают место каждого из нас, теперь они призывают тебя.

– Что я должен делать?

– Идти к людям. Анты тебя не приняли, так иди к викингам.

– Правильно, брат! – послышался спокойный мужской голос.

В дверях хижины стоял Браги, спокойно, с прищуром рассматривал племянника, который так увлеченно слушал Турна, что не заметил, как рыжий ярл застиг их за разговором. Турн же сразу узнал брата Рутгера, хоть и прошло со дня их последней встречи немало лет.

– Видишь, племянник, как прихотливо распоряжаются боги человеческими судьбами! – сказал Браги, входя в лачугу. – Когда-то я предложил отцу сочетать узами Мирославу и Рутгера, а сегодня увидел их сына. Теперь я беру тебя под свою руку. Будешь моим керлом..⁶¹

– Могу ли я? – в замешательстве спросил Рорк.

⁶¹ Керл – дружинник.

– Каков молодец! – расхохотался Браги. – Силен, крепок, весь в Рутгера, его стать, а застенчив, как девица. Можешь! У тебя меч клана Ульвассонов, нашего клана. Трусы и слабаки не носят такое оружие. Поэтому не болтай лишнего, ступай на корабль. Весь Рогволод гудит, как осиное гнездо. Едва взойдет солнце, тебя будут искать по лесам, чтобы убить.

– За что?

– А ты не понял? О юность! Рогволод отдал тебе княжеский меч. Это значит, он объявил тебя князем антов. Как ты думаешь, рад ли этому Боживой? Рады ли братья его? Ступай на корабль, говорю тебе!

– Я готов, дядя, – Рорк поднялся с лавки. – Только позволь мне еще раз сходить в город.

– Собаки и холопы с рогатинами разорвут тебя.

– Не разорвут. Я знаю, как пройти незамеченным.

– Хвастун! – Браги засопел, сгреб в пятерню рыжую бороду. – Твоя смерть будет на моих седирах.

– Я вернусь, – упрямо повторил Рорк. – А там я в твоей власти.

– Ты упрям, и это хорошо. Только помни, что девушка просватана за Эймунда.

Рорк улыбнулся: от Браги нельзя было скрыть ничего.

– Я помню, дядя, – ответил он и выскользнул из хижины.

– Молод еще, голова полна пустяков! – пробормотал Браги и повернулся к Турну. – Что ты ему говорил?

– Рассказал об отце. И о прорицании.

– Воистину, когда я плыл сюда, я даже не предполагал, что все так обернется! А ты, кузнец, намерен и дальше оставаться здесь, в гостях?

– А что мне делать? Мой дом в Норланде наверняка в запустении, близких и родных у меня нет.

– Еще не поздно вернуть себе расположение богов. Ты стар, но еще крепок и силен. К тому же ты хороший коваль. Когда-то о тебе легенды ходили. Если не забыл, как куются мечи и топоры, я возьму тебя в дружину.

Турн не нашелся, что ответить, лишь кивнул. Браги кивнул в ответ, вышел вон. Теперь его занимали совсем другие мысли.

К полуночи стало ясно, что все усилия волхвов и травников тщетны. Не помогли ни кровопускания, ни чудодейственные припарки, ни заговоры, ни нашептывания. Тот, перед кем трепетали враги, кто двадцать лет водил дружину северных антов, кому платили дань кривичи и вятичи, дреговичи и чудь, с кем не решались выходить на рать воинственная мордва и свирепые хазары, тихо умирал в своей горнице, не в силах даже пошевелить рукой или вытереть слюну, которая неудержимо бежала из перекошенного ударом рта. Верный Ольстин сидел рядом, держа в своих ладонях холодные пальцы князя, одесную и ошуюю от ложа встали семь княжичей, суровых и молчаливых – даже всегда улыбающийся Вуеслав был печален. Все уже знали, что Рогволод кончается.

Князь, казалось, не замечал их присутствия. Он больше не был частью этого мира, и мирская суета больше не омрачала его. Черты лица его в одночасье осунулись, заострились, и мука во взгляде сменилась безмятежностью и покоем. Тела своего Рогволод больше не чувствовал: удар лишил его совершенно речи, зрение и слух тоже стали изменять князю.

Он перестал различать лица тех, кто стоял у его изголовья. О чем он думал в эти последние минуты, знали только боги. Вспоминал ли князь свою молодость, свои победы над врагами, то, как рождались и росли его сыновья? Припомнились ли ему женщины, которых он любил, ловитвы, походы, часы радости и отчаяния, боли и счастья, все то, что зовется жизнью? Лицо князя было спокойным и сосредоточенным, и только хриплое тяжелое дыхание

еще показывало, что душа его остается в разбитом болезнью теле, не покинула темницу, в которой прожила шестьдесят лет.

Кроме княжичей в горнице были ближние князя: воеводы, старшие отроки, ближние слуги. Пришли и варяги. Браги, убедившись, что у кораблей на пристани все спокойно, вернулся в город. Ринг, Эймунд, Вортганг и Хакан последовали за ним.

Браги был уверен, что кончина старого князя не нарушит его планов, что поход все равно состоится, кто бы ни возглавил племя – дружинники, от воевод до младших отроков, не пропустят случай отправиться вместе с варягами за славой и добычей. Браги неплохо знал словенский язык и слышал, о чем болтали дружинники на пиру. Вряд ли преемник Рогволода, кто бы он ни был, станет начинать правление со ссоры с гридными...

Выбрав момент, Браги подошел к Боживою и шепнул:

– Жаль мне Рогволода, славный он был мужик. Кто теперь заменит его?

– Я старший из сыновей, мне и быть князем.

– А коли вече рассудит иначе?

– Не рассудит. За меня волхвы, дружина и старейшины.

– Хочешь, я намекну старейшинам, кого хочу видеть князем?

– Не стоит, старый. Если племя воюет, старейшины молчат.

– А этот парень разумен и знает, что делает, – пробормотал Браги, отходя от Боживоя, – с таким нужно держать ухо востро. Я, кажется, его недооценил.

Едва Браги отошел от ложа Рогволода, какой-то человек в нагольном кожухе вынырнул из толпы слуг за спиной Боживоя и что-то зашептал княжичу на ухо. Лиц Боживоя помрачнело.

– Ты уверен, что его нет в городе? – спросил он человека в кожухе.

– Так, княже. Весь Рогволодень обегали, с ног сбились. Знать, в лес он подался. Там его не достать, ночью-то.

– Достану. Лес велю поджечь, а достану. Ужо не увидит... Ступай, награду потом получишь.

– Князь что-то шепчет, – вдруг воскликнул Ольстин.

Четвертый сын князя, Ведмежич, оттолкнув слугу, рванулся к умирающему, склонился над ним, пытаясь разобрать, что же пытается сказать Рогволод. Прочие же, движимые любопытством, приблизились к самому ложу, прислушивались.

– Отойдите вы! – крикнул разгневанный Боживой, отталкивая самых пьяных. – Здесь и так духота, а вы ему дышать не даете.

– Батюшка, молви что-нито! – молил Ведмежич, всматриваясь в лицо Рогволода, но князь только шевелил губами, и невозможно было понять, что же он хочет сказать окружающим.

– Уже и голоса нет, – вздохнул кто-то. – Вборзе⁶² помрет...

– Дай мне! – Боживой оттолкнул брата, сам склонился над отцом. – Батюшка, скажи свою волю, не уходи, не передав стол. Предотврати споры, передай стол по закону.

Боживой заметил, что будто гнев осветил восковое лицо Рогволода, чуть заметно задрожали мускулы на щеке. Вновь князь принялся беззвучно жевать губами, но никто ничего не услышал.

– Увы, с таким же успехом можно вопрошать скалы дракенборга! – вполголоса произнес Ринг.

– Княжич, не тормоши его! – взмолился Ольстин. – Дай ему помереть спокойно.

– Пошел прочь, холоп! – злобно бросил Боживой, вновь склонился над умирающим. – Батюшка, именем Сварога и Хорса заклинаю – говори!

⁶² Вборзе – скоро.

– Погоже так обмирающего пытаться, – зашептались в толпе, – слаб он, а может, и разумом скорбен стал.

– Молчать! – вступился за брата Горазд. – Никто не знает воли богов. Захотят боги, болезнь уйдет от отца. Боги все могут.

– Замолчите все! – крикнул побледневший Боживой. – Он говорит, клянусь Ярилом!

– Тебе почудилось, брат, – с сочувствием промолвил княжич Радослав. – Никто ничего не слышал.

– Жизнью клянусь, он что-то сказал... Вот, опять!

В самом деле, губы князя дрогнули, разлепились в мучительном усилии, какой-то странный звук вырвался из них, похожий на карканье и на предсмертный хрип одновременно.

– Р-рк! Р-хк!

Теперь уже все были убеждены, что слышали это, что дар речи понемногу возвращается к Рогволоду. Лица просветлели, вокруг лежа началась суматоха: все хотели услышать, что же говорит князь, подталкивали друг друга к ложу, и иные из стоявших с трудом удерживались на ногах, чтобы не упасть на больного. Княжичи оттеснили всех, велели замолчать. И в тишине отчетливо прозвучал хрип князя:

– Р-рк! Р-хк!

– Удивительно, но я понимаю его, – сказал Браги. – Клянусь змеем Мидгард, он зовет Рорка.

– Ты с ума сошел! – нахмурился Световид, вышедший из-за спин княжичей.

– А у тебя есть другое объяснение, ведун? – ответил Браги, выпрямив рыжую бороду.

– Батюшка, ты хочешь видеть внука? – наклонившись, произнес Боживой.

Рогволод дважды опустил веки. Боживой закусил губу от ярости.

– Сбег он, батюшка, или волком перекинулся, – сказал он. – Не знаем, где проклятого искать.

Еле слышный стон издал Рогволод и долго лежал в молчании. Все терпеливо прислушивались, ожидая слов князя, но вскоре Боживой не выдержал.

– Батюшка, какое тебе дело до этого несчастного? – заговорил он. – Все ждут воли твоей, кто князем будет.

Рогволод молчал. Боживой отер пот со лба. Остальные княжичи переглядывались в недоумении.

– Сдается мне, что князь хорошо бы поступил, назначив преемника, – шепнул Ринг на ухо отцу. – Иначе эти семеро просто передушат друг друга.

Рогволод будто услышал эти слова. На его застывшее лицо вновь набежала еле уловимая тень гнева. Тонкие губы раскрылись, умирающий князь выговорил:

– Р-рк!

– Постой, племянник, дай мне, – сказал Браги, видя, что Боживой окончательно теряет самообладание. – Брат, неужто ты хочешь видеть Рорка вместо себя князем антов?

Лицо Рогволода просветлело, он дважды моргнул, подтверждая, что Браги правильно его понял. Княжичи помертвели. Минуту в горнице никто от изумления не мог вымолвить ни слова, пока Боживой, не помня себя, не закричал:

– Во имя Хорса пресветлого! Что он говорит? Волкодлака, колдуна, отродье навье Великим князем сделать? Это болезнь помрачила его разум!

– Уймись, Боживой! – сурово одернул княжича Световид. – Рогволод пока еще князь, говорит волю свою.

– Да он безумен! – Боживой вырвался из рук братьев, вцепился пальцами в покрывало у горла отца. – Я должен быть князем антов, я, Боживой, старший из сыновей! Слышишь, я должен быть князем!

Но Рогволод не слышал уже ничего. Белесая муть перед его глазами на мгновение прояснилась, и князь увидел, как из-за спин склонившихся над ним безликих фигур вышла высокая женщина в белом покрывале. У нее лицо Вешницы, первой жены князя, умершей сорок лет тому назад. Она улыбается и зовет его, но рот у нее какой-то странный, безгубый. Собрав все силы, Рогволод приподнялся ей навстречу, но захрипел и откинулся на ложе. Пальцы его разжались, глаза остекленели, нижняя челюсть отвалилась, и только тягучая слюна продолжала вытекать из провалившегося рта.

– Кончился, – прошептал Ольстин и поежился.

В горнице сразу стало холодно и жутко. Люди притихли, прятали друг от друга взгляды, спешили выйти вон. Волхв Световид взял за плечо ошеломленного Боживоя.

– Пока Рорк не нашелся, ты князь, – сказал он. – У ворот терема собрались посадские люди – выйди к ним, скажи, что князь почил с миром, созови всех на тризну.

Боживой вздрогнул, поднял полные слез бессильной ярости глаза на волхва.

– Пока Рорк не нашелся... – пробормотал он.

– Убей волчонка! – зашептал Световид. – Пошли надежных людей. Анты поддержат тебя. Все поддержат тебя. Убьешь проклятого, обезопасишь род свой от всех превратностей.

Глаза Боживоя вспыхнули.

– Я найду его! – прошептал он.

– Сейчас ничего с ним не поделать, – усмехнулся волхв. – Рорк под рукой варяжина Браги. Знаю я, что он на кораблях варяжских прячется. Там его тебе не достать. Однако война – это война. Захотят боги, сгинет проклятый волчонок под мечом.

– Я его сам убью, Световид.

– Балмочь! Ты должен здесь остаться. Пошли вместо себя Ведмежича. И надежного человека найди. Пусть будут там вместе с отродьем волчьим.

– Ты сказал, Световид!

– Боги на твоей стороне, Боживой. Почти их, и они предадут сына Рутгера в твои руки.

– Будешь ли со мной, Световид?

– До конца. Мой враг – твой враг.

Боживой бросил взгляд на остывающее тело отца, приблизился, поцеловал усопшего в лоб и размашистыми шагами вышел из горницы следом за остальными княжичами.

Ночь была темная и жаркая, одолевала духота. Внизу поминали умершего Рогволода: тело князя перенесли в повалушу,⁶³ там же собрались волхвы и бабки-плакальщицы оправлять поминальный обряд. Кое-кто уже напился: громкие пьяные голоса были отчетливо слышны в ночной тишине. Иногда Яничке казалось, что она слышит голоса братьев.

Вечер она проплакала в своей светелке. Старого князя, своего приемного отца, она не любила, но чтילה и уважала – Рогволод был порой очень ласков с ней. Его смерть ее поразила, в душе княжны образовалась зловещая пустота, которую нечем было заполнить. Яничка радовалась, что женщинам не положено быть на тризне, она бы не выдержала этого. Долгие часы тянулись в тоске.

За два часа до полуночи неожиданно пришел варяжин – посланец от ярла Эймунда, рудый,⁶⁴ с наглыми глазами навывкате. Мамка хотела вытолкать нечестивца вон, но варяг заупрямился, лопотал что-то, показывал ларец. Яничка остановила мамку. Варяжин передал ей на словах сочувствие Эймунда и вручил подарки – Эймунд и впрямь уже видел себя женихом словенской княжны. Яничка не хотела брать ларец, но варяжин настоял-таки. Эймунд прислал щедрые дары: в ларце оказались отрезы дивного синего бархата и нарядной камки,

⁶³ Повалуша – летняя спальня.

⁶⁴ Рудый – рыжий.

тонкой работы серебряный кубок, изящное огорлие⁶⁵ с ясписом и бирюзой, наборный тарелец,⁶⁶ какие носили знатные варяжинки, тяжелая золотая цепь и черепаховый гребень, украшенный дивной резьбой – изящная работа ромейского мастера. Мамка ахала и охала, рассматривая подарки Эймунда, а Яничка думала о своем, хотя внимание Эймунда польстило ей, а подарки понравились. Варяжин сообщил, что варяги с утра уходят из Рогволодья и просил передать какие-нибудь добрые слова для Эймунда, уходящего на великую войну. Яничка лишь поблагодарила посланца и просила сказать жениху незваному, чтобы берег себя. С тем посланец и ушел. Холодность Янички рассердила мамку.

– И чего, дочка, тебе еще нужно? – печалилась мамка. – Щедрый-то какой жених, поминки какие богатые прислал. Радоваться должна, а ты слова доброго ему пожалела.

– Оставь меня, – вдруг сказала Яничка, – и ларец унеси.

– Гневаешься на меня, евращка?

– Нимало. Хочу одна побыть...

Мамка, ворча что-то, удалилась с ларцом под мышкой. Яничка села на лавку под светильницей, закрыла глаза. Мысли ее путались, визит варяжина напомнил ей совсем о другом человеке. Вспомнился ей странный наговор, слышанный еще в детстве, защищающий от мороков и баганов: «У камня горячего, у заверти кипучей, в чаще лесной, под вековой сосной лежит горе до поры до времени. Ворон черный, пролетай мимо, не неси мое горе на своих крыльях, волк серый, пробегай мимо, не неси мое горе в своих зубах! Нави бледные, мороки черные, ночные, сгиньте, исчезните в болотах зловонных, в провалах бездонных! Не мучьте меня, не терзайте ночами, не обступайте, кровь не холодите, пропадом пропадите! Слово мое верное, сила моя крепкая, наговор мой, как цепь в огне томленная, в ключевой воде закаленная, не разбиваемая, не размыкаемая!»

...Волк серый, не неси мое горе в своих зубах...

– ...Не неси мое горе! – промолвила княжна, как во сне.

Что-то стукнуло под окном, потом еще раз. Яничка испуганно зачурилась, осторожно выглянула наружу.

Под окном стоял Куява, молодой красавец, родич Ратши. То ли мед княжеский так вздурил ему голову, и без того горячую, то ли любовный пыл одолел сверх меры, но решился Куява объясниться.

– Яничка, любя моя! – воскликнул он, увидев княжну. – Не гони, дай посмотреть на тебя, чтобы сердце насладилось...

– Ты что, Куява, меду дурного опился? – сердито зашептала девушка. – Будто не знаешь, что мерлый⁶⁷ у нас в доме? Поди прочь, не до тебя мне сейчас, не до речей твоих бесстыжих.

– Чаю, не любишь ты меня, – взмолился дружинник, – так дай хоть личиком твоим насладиться, под окном твоим побыть. На днях уходим заодно с урманями, может, головы сложим, не увижу тебя боле...

– Молчи, беду на себя накличешь! Настырный ты, говорила же тебе. Братья узнают, худо тебе будет.

– А что мне братья твои, даром княжичи? Я сам при мече и постоять за себя могу. А варяжина, что тебя сватает, я на суйм⁶⁸ вызову.

⁶⁵ Огорлие – ожерелье.

⁶⁶ Тарелец – обруч-поясок.

⁶⁷ Мерлый – мертвый.

⁶⁸ Суйм – поединок.

– Ах ты, дурак несчастный! Разумей, что говоришь, пока до лиха тебя язык твой не довел. Не смей с Эймундом задираться, убьет он тебя. Он в двадцати походах был и настоящего морского змея зарубил, а уж тебя подавно зарубит.

– Вирухат⁶⁹ горазд твой варяжин. Все они барандаи⁷⁰ бессовестные. Побоялись остаться в городе. Ушли по реке вниз. Чаю, со страху!

Яничка промолчала. Она поняла, что хитрый Браги недаром увел варяжскую рать из города. Рорк с ними, это ей стало понятно. Не хотят враги понапрасну своих союзников-словен злить.

– И как же вы в поход-то пойдете, если ушли урманы? – спросила она.

– Первуд сказал, пойдем берегом до Лугодолы, а там варяги нас на ладьи свои возьмут. Так оно быстрее и проще будет. Что ж Эймунд не рассказал тебе о том? Не любит он тебя.

– А вот любит. Он мне дары богатые прислал.

Куява даже застонал от бессильной ярости.

– Я тебе из похода что хочешь привезу, – заговорил он горячо, – хочешь – золота, хочешь – тканей и шитья ромейского, хочешь – украшений! Выкуплю тебя у братьев, такое вено положу, что не откажут мне. Только скажи, люб ли я тебе хоть немного? Голова у меня кругом идет, как во сне с тобой разговариваю, горю, как в огнице!

– Остепенись, Куява, с княжной говоришь. Блазнить⁷¹ меня вздумал?

– Знаю, что княжна ты, но не могу совладать с собой. Во сне тебя вижу каждую ночь, покой потерял, нет мне отрады ни в чем. Может, какая ворожба на мне? А то пойду и в вир⁷² головой, чтобы черти меня прибрали!

– Чур тебя! – испугалась Яничка. – Кто ж ночью рогатых поминает!

Куява было отрыл рот, чтобы отшутиться, но тут почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит. Ночной мрак будто сгустился, зашуршала трава под легкими шагами. Оборотившись, Куява увидел под березой черную тень. Тень смотрела на него.

Куява труса никогда не праздновал, мало кто в дружине антов мог сравниться с ним отвагой. Но такого ужаса юноша ни разу в жизни не испытывал: будто смертный холод сковал его по рукам и ногам, оледенил сердце.

– Красно говоришь, братец, – сказала тень, – но устала от тебя княжна, пора бы и честь знать.

Куява догадался, кто перед ним, но оттого ужас его стал еще больше. Потому, так и не ответив, попятился дружинник назад, ударился о ствол дерева и помчался, не разбирая дороги, прочь от терема. Когда его вопли затихли вдалеке, говоривший вышел из мрака. Яничка вздрогнула, сердце у нее пропустило удар – она узнала Рорка.

– Не бойся меня, княжна, – сказал Рорк. – Я пришел поблагодарить тебя за заступничество и за доброту твою и попрощаться с тобой.

– Снова ты! – простонала княжна.

– Прости, напугал тебя.

– Безумный! Беги, пока Куява людей не привел.

– Горько мне, что возненавидели меня соплеменники, ведь я никогда вреда не причинил. Не знаю, отчего зверем меня считают, крови моей жаждут. Ныне один добрый человек поведал мне тайну рождения моего, но ведь не навия я, не чудовище – такой же человек, как все. Сегодня ухожу я в далекие края и, может статься, никогда обратно не вернусь. Сегодня вечером прощаюсь с прошлой жизнью. И богам благодарен за то, что тебя увидел.

⁶⁹ Вирухат – врать.

⁷⁰ Барандай – болтун.

⁷¹ Блазнить – соблазнять.

⁷² Вир – омут.

– На пиру я не боялась тебя, а теперь боюсь!
– Ты спасла меня. После смерти матери не встречал я души чище твоей.
– Молви, Рорк, неужто ты и на самом деле волк?
– Люди меня так зовут. Но я человек, от женщины рожденный. Глупцы глаз не имеют, страхами своими живут. Одна ты правду увидела, пожалела горемыку.
– Уходи же! – взмолилась княжна. – Слышишь, собаки лают? Найдут они тебя.
– Уже иду. Плат, что ты мне дала, оставлю, он мне о тебе будет напоминать. В сердце ты моим, княжна. Хочу, чтобы и ты меня другом своим считала.
– Другом?

– Другом сердешным. Видел я тебя раз, но не забыть мне теперь тебя. Может, боги нас сводят вместе, но не случайно встретились мы, совсем не случайно.

– Уходи! Не теряй времени, беги! Не хочу видеть кровь родича под своим окном...

Другое хотела сказать Яничка, но опомнилась, поняла, что не следует выдавать тайных мыслей. Лица Рорка она не видела, лишь слышала его дыхание. Мысли ее смешались, изнутри поднялась жаркая дрожь. Собачий лай стал ближе, отсветы факелов наполнили Рогволодень, где-то взволнованно кричали.

– Куява постарался! – усмехнулся Рорк.

– Беги, Рорк. Уходи! Прощай же! – крикнула княжна и захлопнула ставни.

Сколько времени прошло, Яничка не помнила – все шептала заговоры да держалась за шолку, что дала ей мамка. Собаки всполошились, казалось, по всему городу, двор терема наполнили крики, потянуло факельным чадом. За дверями светелки затопали, весь терем заходил ходуном. Яничка задрожала, забилась в угол. Дверь распахнулась, в светелку ворвались княжичи, кроме Ярока и Горазда, с ними человек пять гридней, все при оружии и с факелами. За дверью надрывно брехали псы. Молодой Радослав бросился к княжне, обнял ее.

– Слава Перуну, жива! – воскликнул он. – Где нечистый?

– Кто?

– Очарованный этот, волкодлак.

– Не видела я его, – солгала Яничка, стуча зубами от страха.

– Не ври, девка, – Боживой подошел ближе, рывком поднял Яничку на ноги, заглянул ей в душу мутными воспаленными глазами, дыхнул тошнотворно перегаром. – Был он тут. Куява его видел, за беса принял. Лжешь, знамо, Рорк это был.

– Не знаю я, кто это был. Я сама испугалась. Куява говорил со мной, а потом бежать припустился, кричал что-то... Не видела я никого.

– Ладно, можешь скрытничать, – сквозь зубы сказал Боживой, отбросив сестру прочь. – Все равно его достану. Он у меня до смерти на цепи просидит, пес этот!

Гремя подковами на сапогах, вся ватага выбежала вон, оставив в светелке тяжелый запах горелой смолы, сивухи и пота. Не скоро прекратился остервенелый собачий лай, и воцарилось молчание, от которого девушке стало еще страшнее. Словно случилось то, чего она так боялась, – поймали сына Рутгера и, как обещал Боживой, на цепь посадили. Яничка несмело подошла к окну, распахнула ставни. Ночь пахнула ей в лицо прохладой и сыростью.

Под окном было тихо. Яничке почему-то подумалось, что Рорк вернется, обязательно вернется, чтобы сказать ей самое главное, то, чего не успел ей сказать. Но ожидание оказалось напрасным.

Часть II

Готеландский зверь

Любого противника, с которым ты сразишься, считай настолько сильным, что с ним не управятся и десятки людей.

Наосигэ Набэсима

I

Удар большого колокола на башне Луэндалля прозвучал над холмами, над Винвальдским лесом, прокатился над вечерней равниной, покрытой рваным белым покровом первого ноябрьского снега, затих где-то вдалеке над черными верхушками сосен. Тучи ворон поднялись в покрасневшее закатное небо, с граем сбились в огромную стаю и закружили над землей, словно полчища духов зимы и смерти.

Путник, услышав колокол, понял, что спасение близко. Обрадованный, он упал на колени прямо в ледяную грязь, зашептал «Отче наш», потом «Кирие элейсон». Силы его были на исходе, но надежда впервые за много дней снизошла на него.

Путника звали Гербертом. Еще недавно он в тишине и тепле монастырского скриптория наслаждался мудростью веков, сам переписывал книги, с любовью выводил строки на гладкой желтой харатье, а потом с тайной гордостью в сердце перечитывал написанное. Но все кончилось. Пришел зверь, и не стало у Герберта ничего, кроме воспоминания. Книги сгорели в пламени, а монахи во главе с добрейшим аббатом Октавием повисли на шпалерах ими же разбитого виноградника, и пламя пожара отражалось в их страшно выкачанных глазах. Герберт укрывся и потом спасся – не нашли его наемники.

Он шел в Луэндалль третью неделю. В другой раз ему не достало бы сил совершить такой переход, но теперь ужас, отчаяние и жажда жизни гнали его вперед. И еще Герберт напоминал все, что Господь явил ему на этой земле, некогда текущей молоком и медом, а теперь ставшей добычей смерти.

Знал Герберт, что ни раз и не два становился Готеланд добычей алчных покорителей мира. Четыреста лет тому назад по этой земле шел кровожадный Атли, король гуннов, со своими полчищами, саранче подобными, все предавая огню и мечу. Но гунны прошли по Готеланду, не останавливались, двинулись дальше, на запад, ибо их король был охвачен безумием мирового господства, и римляне рассеяли безбожные орды гуннов в великой битве, равной которой не было во все века. Потом были еще и еще завоеватели – алеманы и вены в шкурах буйволов и туров, норманны, саксы; доходила сюда и латная конница владыки франков Карлуса Магнуса. Все они искали в земле готов золота, земли, пищи, власти. Но приходили чужеземцы и уходили, а народ готов восстанавливал порушенное и жил лучше прежнего, потому что сияла над Готеландом звезда святого Теодульфа, первокрестителя народа готов. С его именем на устах строили люди города, прокладывали дороги, возводили мосты, закладывали церкви и монастыри. И потому даже самые алчные захватчики замирали в восторге перед богатством и красотой этой земли, перед ухоженностью пашен и садов, великолепием замков и церквей. Таяли, опускали мечи, ограничивались выкупом, данью, или же роднились с готскими владыками, как породнился король саксов Хильдебранд, взяв в жены готскую принцессу, или же сами готские владыки женились на дочерях вчерашних врагов, как то случилось с королем Эрманарихом, взявшим в свой дом нормандку Ингеборг. Сам Бог, казалось, хранит эту землю, и не будет конца милостям Его.

Ошиблись монахи, и в ужасе великом забылись все прежние пророчества, кроме пророчества безумной Адельгейды, которая еще в правление короля Ортвара проповедовала по городам и весям, предсказывая великие испытания народу готов. И теперь, проделывая свой скорбный путь по земле, испепеленной войной, мог видеть высокоученый Герберт, что каждое слово из пророчеств Адельгейды исполнилось, и Божья сила навсегда покинула Готеланд. Весь установленный небом порядок рухнул: поля стояли необработанными, осыпая колосья, ибо некому было сжать урожай, разоренные деревни по обочинам дорог смотрели на путника пустыми провалами окон, словно глазницами черепов; люди, будто звери лесные, прятались днем в логовах, а ночью выходили искать пропитания. Не раз и не два встречал Герберт на дороге толпы беженцев – оборванных, голодных, полусумасшедших, видел, как люди ели падаль, словно животные. Голод и «черная железа»⁷³ косили тех, кто спасся от огня и железа: мертвецы попадались Герберту повсеместно, и никому даже в голову не приходило схоронить их, потому что те, кто еще был жив, казались мертвыми – души будто покинули их. Так и лежали эти бедолаги по канавам и обочинам дорог, почерневшие, оскаленные, расклеванные воронами, объединенные крысами и усыпанные червями. Эти черви преследовали Герберта даже во сне – весь Готеланд, казалось, стал брашном для белесой могильной мерзости. Герберт не удивлялся – он и сам стал похож на мертвеца. Волосы его от всего виденного побелели, кости обтянулись кожей, взгляд стал безумным, от ссадин и ран пахло мертвечиной, сутана превратилась в грязное гунище.⁷⁴ Последнее обстоятельство было к лучшему – никто не признавал в жалком оборванце, в какого превратился Герберт, монаха: ватаги наемников не трогали его, даже бросали ему объедки.

В середине ноября ударили морозы, и землю покрыл белый саван снега. Герберт старался держаться вблизи деревень, и дважды ему повезло – он смог переночевать на сеновалах. У самого Луэндалля стало легче: сюда еще не дотянулись кровавые лапы Аргальфа и его головорезов. Но и тут люди жили в страхе. К самому Луэндаллю тянулись процессии пилигримов – босые, полуголые, они истязали себя плетью и веригами, ели землю, кликушествовали, призывали к покаянию, ибо настал Конец времен. Вполголоса говорили о таких ужасах, что и вымолвить было страшно. Герберт присоединился к одной из групп пилигримов, но вскоре отстал. Ночь он провел в лесу и весь последний день из последних сил тащился по тракту. Звон колокола вернул его к жизни, потому что в конце концов рассудок его стал мутиться от голода и страшного напряжения.

Справа от дороги, ведущей к воротам монастыря, возвышался плоский холм высотой в несколько сот футов. На его вершине стояла большая церковь, осененная золотым крестом. Это была главная святыня Готеланда – в церкви, в крипте под полом, покоились мощи святого Теодульфа и еще пяти мучеников, убитых язычниками. Герберт остановился, пал на колени, прочел молитву. Вокруг церкви собралось немало народу: все они искали здесь защиты от наполнившего Готеланд зла. Герберт не стал подниматься на холм – у него была другая цель.

Вскоре он увидел монастырь. Мощные крепостные стены и четырехугольные башни по тридцать локтей высотой каждая укрепили его дух. Стража на мосту остановила Герберта, но, расспросив, пропустила в монастырь. Здесь бывший библиотекарь в третий раз совершил благодарственную молитву за избавление от смерти.

Двор монастыря был полон народу. По периметру в жаровнях жгли просмоленные тряпки, чтобы прогнать чуму. В густом едком дыме двигались темные фигуры – это были монахи, которые раздавали людям хлеб, лечили раненых. Герберт пробирался меж сидящими и лежащими крестьянами, больными, изможденными, запуганными. Теперь, когда

⁷³ «Черная железа» – бубонная чума.

⁷⁴ Гунище – лохмотья.

жизни его ничего не угрожало, Герберт вдруг обнаружил в себе сострадание к этим беднякам. Он ловил на себе взгляды голодных глаз, замечал женщин, прижимающих к груди младенцев, похожих на маленькие скелеты, стариков, безучастно лежавших прямо в жидкой грязи и навозе, ибо здесь же, рядом с людьми, сбился крупный и мелкий скот – весь, что удалось спасти. Стоны людей, плач детей, мычание, бляение, кудахтанье, звон капель смешивались с дымом жаровен и стлались по двору, вызывая в памяти худшие видения ада.

К Герберту подошел коротенький монах, глянул печальными глазами.

– Хлеба больше нет, – сказал он и вздохнул.

– Брат мой, – Герберт сбросил с головы рваный капюшон, показал тонзуру. – Я из монастыря святого Макария на Лофарде. Я пришел к святому Адмонту.

– Ты шел с севера? – удивился монах. – Что там творится?

– Апокалипсис, – отвечал Герберт.

Коротышка взял Герберта за рукав, повел в странноприимные покои. Все помещения здесь были полны больных, обмороженных, умирающих; в воздухе висел такой тяжелый смрад, что Герберт едва не бросился вон. По узкой лестнице монах провел бывшего библиотекаря в обширную трапезную, уставленную длинными столами из мореного дуба. Отсюда через узкий коридор Герберт попал в парлаториум.⁷⁵

Аббат Адмонт исповедовал одного из братьев. Завидев Герберта, он сощурил подслеповатые глаза, пытаясь разглядеть странную фигуру, появившуюся перед ним. Но Герберт не дал ему времени узнать себя – пав на колени у ног Адмонта, он схватил край сутаны аббата и горько зарыдал.

– Сын мой, – Адмонт силился поднять Герберта, но у него не доставало сил. На помощь ему пришел коротенький монах, и только вдвоем они усадили натерпевшегося собрата на лавку. – Сын мой, кто ты?

– Вы не узнаете меня, святой отец? Я – Герберт. Я переписывал для вас евангелиста Луку.

Адмонта пробрал мороз по коже. Трудно узнать в этом покрытом грязью и струпьями от голода бродяге некогда веселого и дородного библиотекаря из Лофардского монастыря.

– Брат Герберт, что случилось с тобой? – воскликнул Адмонт.

– Я видел обличие ада, святой отец. – Герберт вновь заплакал, размазывая грязь и слезы по лицу. – Весь Готеланд в руках отродья тьмы. Гриднэль захвачен, Алеаварис осажден, весь север разорен дотла. Я слышал, что Шоркиан вот-вот падет, потому что там сейчас эти дьяволы, воители из Ансгрима. Воистину, это всадники Апокалипсиса: там, где они появляются, даже камни стонут от ужаса!

– Что случилось с монастырем?

– Сожжен. Отец Октавий и остальные братья были казнены наемниками. Я успел спрятаться в навозной куче, и палачи меня не нашли.

– Верно сказано в Писании: «Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?» – Адмонт перекрестился. – Ты многое пережил, сын мой... Альфред, принесите поесть.

– Хлеба нет, святой отец, мы все раздали беженцам.

– Принесите что-нибудь... Так ты шел через весь Готеланд?

– Да, святой отец, – отвечал Герберт, – и теперь верю, что только великое чудо, неслыханная милость Господня, довела меня до благословенных стен Луэндалля. То, что я видел, невозможно описать, нет таких слов. Только святой Иоанн мог бы передать происходящее.

⁷⁵ Парлаториум – исповедаля.

– Мы сидим здесь взаперти, но кое-что доходит и до нас, – Адмонт положил руку на плечо Герберта. – Знаю я, что тебе пришлось пережить, сын мой. Ты видел, сколько людей собралось в монастыре – они бежали от зла, которое теперь повсюду...

– Что же это, святой отец? – всхлипывал Герберт. – За какие грехи Господь так наказал нас? Ведь они не щадят ни старого, ни малого, убивают всех, кто попадется им на глаза, целые поветы превращают в прах и пепел. Все силы геенны собрались на нашей земле. Я видел саксов, франков, лангобардов, фризов, безобразных карликов с севера в звериных шкурах, которые едят человеческое мясо и воют на луну, как звери; я видел пиктов с татуированными лицами, белгов и гельветов; перед взором моим прошли все вырожденные и живорезы, каких только могла породить адская утроба. Но хуже всех они, рыцари Ансгрима. О них говорят такое, что волосы встают дыбом.

– За какие грехи, спрашиваешь ты? – Аббат Адмонт выпрямился, глаза его загорелись. – За объедение и пьянство, блуд и лихоимство, ложь и гордыню наказал нас Бог. В пророчестве святой Адельгейды говорится: «Накопится зло в народе, никто не заметит, как бережливость станет жадностью, сытость – чревоугодием, как размножится ревность и зависть, как дети начнут выгонять из дома родителей, а родители бросать детей, как умножится блуд, непотребство и разврат, и мужчина начнет любить мужчину и спать с ним, как с женой, в церквях установится запустение и смрад язычества, и народ пойдет не в храм, а в кабаки, чтобы упиться и уснуть, как пес в блевотине». Разве не так было, брат Герберт? А разве изменилось что-нибудь? Посмотри, ведь немало баронов переметнулось на сторону Аргальфа со своими дружинами. Никогда со времени основания Готеланда не было такого срама на нашей земле, такого попрашения святынь. Ибо все, что имели, бросили свиньям и псам на потребу! Бог посылал нам знаки гнева Своего: колокола звонили сами собой, свечи в церквях оплывали длинными натеками, предсказывая многие смерти, зарницы и хвостатые звезды полыхали в небе, а Готеланд не видел того – пел, плясал, наливался пивом и вином и блудодействовал. Ныне пожинаем мы страшный урожай, ибо проросли кости праведников, слезы сирот, сетования наших и несправедливо осужденных!

Вошел Альфред с деревянной миской разваренного овса и кружкой сидра, с поклоном поставил на столик у окна и удалился. Герберт дважды заставил аббата повторить предложение поесть – он понял, что Адмонт отдал ему свой ужин. Наконец, он решился, жадно схватил пальцами горячую кашу, поднес ко рту – и рыдания комом опять подступили к горлу, начали душить, будто петля, которой он избежал в Лофарде.

– Плачь, сын мой, – мягко сказал Адмонт, увидев смятение несчастного Герберта, – плачь, слезы выводят излишек горя. А ты, видит Бог, повидал немало горя за последние дни. Мыслью я, что придется нам пережить еще больше, поэтому следует укреплять свой дух молитвой, ибо для Господа нашего нет ничего невозможного.

– Я молился, и Бог спас меня, – заикаясь, ответил Герберт.

– Нет меры испытаний, недоступной человеку. Все мы способны перенести, если уповаем на Него... Однако тебе надо отдохнуть. Но сперва поешь. Потом братья проводят тебя в свободную келью и дадут новую одежду взамен этих лохмотьев.

Герберт только замотал головой – рот его был набит овсянкой. Адмонт едва заметно улыбнулся, благословил Герберта и, помрачнев, помянул короткой молитвой замученных братьев из Лофардского монастыря.

Деревянные колеса прогрохотали по настилу моста через подернутую тонким льдом речушку. Возница обратил к Герберту круглое рябое лицо, показал в улыбке желтые мелкие зубы.

– Приехали, святой отец! Добро пожаловать в царство живых мертвецов, ха-ха-ха!

Герберта передернуло. Инстинктивно он втянул носом воздух, желая убедиться в справедливости утверждения, что там, где прокаженные, стоит нестерпимое зловоние. Но в воздухе пахло хвоей и утренним морозом.

Мерины еще раз дернули повозку и остановились. Герберт выглянул из-за спины возницы – впереди, шагах в пятидесяти от них, у обочины дороги красовался высокий шест с желтой тряпкой на верхушке. Дальше начинались земли, куда не всякий бы решился заходить. Герберт не мог видеть самого поселка: край соснового бора закрыл от него все, что было за изгибом дороги.

– Все, святой отец, я дальше не поеду! – объявил возница.

Герберт протянул ему монету. Возница попробовал цехин на зуб, остался доволен.

– Прощайте, святой отец! – крикнул он. – Желаю вам благополучно вернуться из Долины проклятых!

Герберт в некоторой растерянности наблюдал, как повозка развернулась, неуклюже переваливаясь, вновь пересекла мост и исчезла в тумане. Только свежие конские катухи на дороге говорили о том, что повозка была, да еще след от колес на заиндевевших досках моста. Мучительно тоскливо стало вдруг Герберту. Захотелось бежать прочь из этого места. Но сам Адмонт прислал его сюда, и миссия Герберта была чрезвычайно важной.

Известие о высадке варягов на побережье Шейхета пришло в Луэндалль на следующий день после того, как в монастырь пришел Герберт. Доставил его один из слуг маркграфа Зайферта, за два месяца до того посланный в Алеаварис – Адмонт волновался, что долгое время нет вестей от отца Бродерика, посланного к норманнам. И вот долгожданная весть пришла: норманны высадились в устье Кольда, в двух поприщах от Алеавариса. Численность норманнского войска была неизвестна, но гонец клялся, что северян очень много, и настроены они очень решительно. Отпустив гонца, Адмонт отправился в часовню, где долго молился в одиночестве, а затем вызвал в свою лабораторию⁷⁶ Герберта и поручил ему важную и опасную миссию. Герберт испугался, он предпочел бы оставаться в монастыре, за крепкими стенами, но слово Адмонта было для него законом, и вопрос был решен. Недаром Адмонт славился по всему Готеланду, как святой – одно его слово, один взгляд делали из труса храбреца, бесребреника – из скряги, из прелюбодея – ревнителя чистоты брака. Герберт был готов еще раз повторить переход через Готеланд, если Адмонт о том попросит – так велика была духовная сила настоятеля Луэндалля.

Возницу нашли среди крестьян, нашедших убежище в стенах Луэндалля, а вот повозку Адмонт дал монастырскую. Для отвода глаз ее нагрузили крынками и горшками – товаром, который вряд ли соблазнил бы наемников. Герберта одели купцом и обрили ему голову, чтобы тонзура не выдала. Письмо от Адмонта, написанное рунами по-норманнски, было зашито в воротник камзола. Прочие указания Герберт получил на словах.

Дорога от Луэндалля до Балиарата заняла четыре дня. Чтобы избежать подозрений, поехали не большаком, а узкими проселочными дорогами между деревнями – здесь был меньше риск нарваться на вездесущих наемников или шайки мародеров. Герберт сильно страдал от холода. У него появился лающий кашель и страшно болело плечо. Лежа на охапке сена в повозке, он думал, как поступит, если наемники схватят его. Ему рисовались жуткие картины пыток и казней, которым его подвергнут.

На третий день близ какой-то деревушки они попались на глаза небольшой ватаге головорезов. Их предводитель, дюжий фриз с пропитой рожей, приказал обыскать Герберта и повозку. Если бы не сильный холод, наемники, конечно, сообразили бы, отчего этот худосочный купец так дрожит. Они ничего не нашли (Герберт предусмотрительно засунул кошелек под одну из досок кузова), в ярости разбили несколько горшков и ускакали восвояси.

⁷⁶ Лаборатория – здесь рабочий кабинет.

В эти края еще не докатился тот безумный пароксизм уничтожения, который бушевал по Готеланду, и здешние места еще не познали тех бедствий, которых с избытком хлебнули люди на севере. Но воины Аргальфа уже рыскали по деревням, отбирая скот и все маломальски ценное; уже дрожало в ночном небе зловещее зарево, и можно было только гадать, что на этот раз подожгли наемники; уже угрюмы и испуганы были лица крестьян; уже попадались на пути мызы, покинутые хозяевами, бежавшими невесть куда в поисках спасения от приближающейся войны. Предчувствие близкой грозы висело в воздухе, и Герберт хорошо почувствовал это.

Последнюю ночевку на постоялом дворе близ деревни Корс-Абим Герберт провел из рук вон плохо. Его мучили жар и озноб, а боль в плече стала просто нестерпимой. В минуты забытья Гербертом овладевали болезненные кошмары: то его окутывал горячий кровавый туман, то всадники с собачьими головами неслись на него галопом, желая растоптать, то он принимался считать мертвецов, которых становилось все больше и больше, и они начинали говорить с ним на каком-то жутком языке. Просыпаясь, Герберт приступал к молитве, и ему ненадолго становилось легче. Потом все повторялось сначала. Рассвет застал Герберта совершенно измученным. Обеспокоенный возница решил было, что у Герберта чума, но библиотекарь его успокоил – нет, то не чума, у моровой болезни другие признаки. Возница на руках перенес его в повозку. Впрочем, чем ближе становилась цель пути, тем меньше Герберта заботил его недуг. Да и жар его оставил, и плечо болело меньше.

Подул ветер, желтая тряпка на шесте расправилась, и Герберт увидел на ней грубое изображение гусиной лапы. Он знал, что проказа покрывает кожу человека струпьями, похожими на гусиные лапки, а пальцы скрючиваются и отсыхают, как пораженные черной гнилью ветки. Сколько же надо иметь мужества, чтобы жить здоровому среди больных этой жуткой болезнью? Или, напротив, какой нужно испытывать страх, спрятавшись здесь, среди заживо гниющих полумертвецов? Так мужество или страх? Герберт этого не знал.

За поворотом дороги застучали копыта. Три всадника выехали из-за края леса. Они мало походили на прокаженных. Все трое в железных кольчугах, шишаках в переносье, на щитах – черный медведь и три ключа. Кони сытые, ухоженные, на чепраках тот же неведомый Герберту геральдический знак.

Всадники заметили Герберта, один из них направился прямо к нему.

– Кто таков? – крикнул он.

У Герберта отлегло от сердца: всадник был готом.

– Господин, я купец, – со смирением ответил Герберт, – вожу товары, которые могут заинтересовать любого, кто увидит их.

– А где же твой товар? – осведомился воин.

– В моем сердце, которое принадлежит королеве, – сказал Герберт, улыбаясь.

То был тайный пароль, данный ему Адмонтом. Всадник свистом подозвал двух прочих и велел Герберту сесть за спину одного из них.

Поселок открылся взору Герберта, как только они миновали поворот дороги. Около двух десятков хижин из деревенских стволов, крытые соломой и окорьем, лепились одна к другой на тесном пространстве двести на двести футов, обнесенном тыном из заостренных кольев. У ворот красовался точно такой же шест с желтым полотнищем, какой Герберт видел у моста. Всадники въехали внутрь периметра и спугнули двух обитателей городка, которые, несмотря на ранний час, по какой-то нужде вышли из своей хижины. Герберт впервые оказался так близко от прокаженных, но несчастные обратились в бегство и спрятались за кучей хвороста у ближайшего дома.

Воины осадили коней лишь в дальнем конце двора, за хижинами, – здесь стоял огромный сруб с плоской крышей и маленькими окнами, похожими на бойницы. У дома к длинной коновязи было привязано с десятков коней, два или три из них под чепраками с тем же

загадочным гербом. А у самого тына Герберт заметил часового в шлеме и с самострелом на плече.

Старший воин молча, без всяких объяснений, втолкнул Герберта сначала в просторные сени, а затем – в большую квадратную комнату с земляным полом, освещенную едва-едва светом, попадавшим в нее через окна-бойницы. Потому Герберт не сразу разглядел людей в дальнем конце комнаты, чем вызвал недовольство того, к кому его привели:

– Что за болвана ты притащил, Ронериус! – воскликнул чей-то громкий и грубый голос. – Этот лысый негодяй еще и слеп, словно крот, если не видит, куда попал!

Герберт повернулся на голос. Кряжистый широколицый мужчина, почти совсем седой, одетый в шелковый камзол, наброшенный на кольчугу и высокие верховые сапоги, сверлил Гельберта маленькими глазками. За его спиной два стриженных в скобку мальчика в одинаковых пелизонах⁷⁷ с меховой оторочкой о чем-то шептались друг с другом.

– Господин, я прошу прощения за неучтивость, – отвечал Герберт, несколько сбитый с толку грубостью хозяина, – но мои впечатления сегодня меняются с такой быстротой, что я не успеваю прийти в себя.

– Ты из Луэндалля?

– Истинно так, господин.

– Монах?

– Некогда был им. Сейчас я всего лишь компаньон преподобного Адмонта, который и прислал меня сюда.

– У тебя есть новости для королевы?

Вопрос был поставлен так, что Герберт не находил ответа. Он был почти уверен, что видит перед собой маркграфа Зайферта, одного из немногих баронов, сохранивших верность королеве. Но Адмонт велел отдать письмо только в руки Ингеборг...

– У меня много новостей, господин, – ответил он, слегка помедлив, – но требуется время, чтобы решить, какие из них будут интересны ее величеству, а какие нет.

– Клянусь святой Фридесвитой, вот хитрый пройдоха! Теперь я понял, что ты тот человек, которого мы ждем, не будь я Зайферт!

Низкая дверь справа от Герберта раскрылась, и высокая женщина в подбитом собольим мехом платье в сопровождении двух служанок величественной походкой вошла в комнату. Следом еще одна служанка вела за руку миловидную девочку лет восьми. Герберт поклонился – он понял, что это королева готов Ингеборг и принцесса Аманда.

– Вы прибыли из Луэндалля? – спросила королева. – Что сообщает нам наш добрый пастырь Адмонт?

– Я привез хорошие вести и дурные, ваше величество.

– Начните с дурных.

– Страна гибнет. То, что творится...

– Не трудитесь нам рассказывать, – велела королева. – Теперь поведайте нам о хорошем.

– Ваше величество, – Герберт снял камзол, разорвал зубами шов и достал письмо Адмонта. Одна из служанок приняла харатью, передала госпоже. Ингеборг прочла письмо, глаза ее потемнели.

– Проверенные ли это сведения? – спросила она.

– Их доставил Хендрих, человек господина графа, – Герберт поклонился Зайферту. – Он клялся, что известия верные.

– Почему сам Хендрих не доставил письмо? – спросил граф.

– Он болен, милорд. Святой Адмонт решил, что я лучше справлюсь с этим делом.

⁷⁷ Пелизон – верхняя мужская одежда, род шубы.

– Не волнуйтесь, граф, – сказала королева. – Это рука Адмонта, я ее знаю. Он пишет, что мой брат Браги с войском высадились в устье Кольда. Нашему заточению приходит конец.

– Почерк можно подделать. – Зайферт с подозрением посмотрел на Герберта.

– Подделать можно руку Адмонта, но не его слог, – сказала королева. – Но я, пожалуй, послушаюсь вас, граф. Бригитта и Хельга, – обратилась Ингеборг к своим служанкам, – вы останетесь здесь вместе с ее высочеством Амандой. Мы же отправляемся немедленно. Только прошу вас, граф, оставьте десяток надежных людей для охраны принцессы.

– Я не хочу оставаться! – захныкала принцесса.

– Так надо, доченька, мы идем туда, где ходит много злых и нехороших людей! Бригитта и Хельга позаботятся о тебе. Ты ведь любишь своих нянюшек?

– Я люблю тебя, мамочка, – Аманда обхватила ручонками шею матери.

– Я вернусь, солнышко. – Ингеборг с трудом сдержала слезы, поцеловала дочь и передала ее одной из служанок. – Я обязательно вернусь за тобой, обещаю... Зайферт, готовьте коней!

II

Кончилась осень, и холода, пришедшие в Готеланд, были на редкость суровыми. Борзо пришла зима, с метелями, со снегом, с ветрами. Но рыжий Браги радовался, холода были на руку в той войне, которую он намеревался вести.

Для начала попробовали силы на Алеаварисе. Город находился в осаде второй месяц, припасы кончились: жители ели солому с крыш, умирали сотнями в страшных корчах. Но горстка упрямых готов не сдавала город, отбивая нападения наемников. Викинги Вортганга и юного Хакана Инглинга появились под стенами Алеавариса так внезапно, что наемники Аргальфа приняли их за своих. Расплатиться за ошибку им пришлось немалой кровью – викинги беспощадно изрубили неприятеля. Те, кто спасся от мечей северян, позже перемерли от холода и голода в лесах. Вортганг, командующий вылазкой, захватил семьдесят возов с провиантом, часть из которых отдал жителям Алеавариса, часть привел в лагерь.

Браги был доволен. Весть о высадке норманнов распространилась по стране, как лесной пожар. В уцелевших церквях и монастырях люди с радостью внимали словам священников о скорой гибели Аргальфа – Антихриста и его войска. Ходили слухи о том, что северян сто тысяч, что они уже заняли весь север и скоро пойдут на Шоркиан. Как бы то ни было, но в северном Готеланде наемников не осталось – их отряды спешно отошли к Шоркиану и Лофарду, не рискуя соваться на север.

Железная Башка не спешил. Копил силы, справедливо полагая, что гоняться за отдельными отрядами врага нет смысла. Отец Бродерик попробовал было торопить ярла, но Браги так сверкнул глазами, что монах немедленно умолк. Норманны обустроили лагерь, свозили припасы и сено для лошадей; наиболее опытные воины по приказу Браги обучали союзников-антов.

До прибытия в Готеланд Рорк находился на дракаре своего дяди. Анты узнали об этом лишь через неделю, когда две рати встретились у впадения Дубенца в море – там варяги ждали своих союзников перед отплытием в Готеланд. Браги велел племяннику не показываться словенцам на глаза. И пусть среди соплеменников Рорка не было его злейшего врага Боживоя: остался старший Рогволодич дома, послал вместо себя Ведмежича. Все равно не к месту была бы пря между союзниками в канун большой войны. Все плавание Рорк не выходил из своего убежища, и хоть знали антские княжичи о присутствии проклятого в войске, никакого разговора о Рорке не заводили. Лишь на третий день после прибытия в Готеланд Рорк явился по велению дяди на совет ярлов. Княжичи были испуганы, да и многие из суевренных варягов не одобрили затеи Браги. Горазд даже сказал Браги:

– Напрасно взял с собой проклятого, старый. Горе он нам принесет, невагу!⁷⁸

– Он нам победу принесет, вот увидишь, – ответил Браги.

– Проклят он! – не унимался Горазд.

– Подумаешь! Весь клан Вельсунгов был проклят, и все они были оборотни, но дрались славно.

Тем не менее Браги взял с Рорка слово, что на словенскую половину лагеря он ходить не будет. А чтобы Рорк не маялся без дела, приставил к нему Турна, велел последнему обучить племянника обращаться с мечом.

Турн охотно взялся за дело, хотя после первого же урока понял, что учить Рорка ничему не нужно. Рука и глаз у Рорка были отменные, а уж двигался он так, что уследить за ним было просто невозможно.

⁷⁸ Невага – несчастье.

– Если тебя не убьют в этом походе, – сказал однажды Турн, – не будет в мире равного тебе витязя.

– Пустое, найдутся и получше, – отвечал юноша.

Мечом Рорк владел так, будто всю жизнь был воином. Турн подумал, что искусство владения оружием перешло к молодому человеку от отца, но Рорк признался, что Мирослава учила его владеть рогатиной и кинжалом, а уж из лука он стрелял с четырех лет. Тогда Турн предложил Рорку попробовать боевой топор. Рорк, который считал секиру оружием мужицким, убедился вскоре, что в умелой руке топор будет страшнее меча. А еще Турн рассказывал своему питомцу о тех народах, с воинами которых пришлось ему перевестись в бою. Рорк слушал, ловил каждое слово, ибо вождь мир воинской доблести раскрывался перед ним.

Говорил Турн, что многие народы воинственны и сведущи в ратном ремесле, но нет храбрее норманнов и ирландцев, только излюбленное оружие у них разное – у норманнов меч и топор, а у ирландцев копье. Часами мог Турн рассказывать о великих подвигах фениев,⁷⁹ и глаза его при этом увлажнялись от великой гордости за славу своего народа. Среди других племен, говорил Турн, сильны франки: особенно их защищенная железными латами конница на могучих конях. С ней может сравниться разве только конница испанских мавров – быстрая, легкая, на маленьких резвых тонконогих конях, внезапно нападающая и исчезающая прямо на глазах изумленного противника. Кривые мечи арабов с легкостью разрубают самые прочные шлемы и щиты. Вообще каждый народ имеет свои приемы войны и привычное оружие: англы лучше прочих стреляют из лука; юты и саксы искусно рубятся боевыми топорами; горцы Далриады непобедимы в схватке на клейморах – длинных кинжалах, с которыми не расстаются с колыбели и до смерти; дикие пикты не знают себе равных в искусстве устраивать засады и смертоносные ловушки; никто лучше франков и норманнов не освоил искусство боя на длинных и коротких мечях; ромейская армия сильна своей железной дисциплиной, слаженностью и искусством полководцев. Но у каждого из народов есть и свои слабые стороны, которые надлежит знать воину. Безумная храбрость кельтов и норманнов лишает их разумной осторожности и осмотрительности, надменные готы понижают силу противника, гунны не признают воинского строя и нападают беспорядочной толпой, мешая друг другу. Саксы неповоротливы и медлительны, ромеи сильны лишь числом, пикты и Черные гномы с севера не выносят лобового боя.

– А как же анты? – спросил Рорк.

– Смотри сам, – отвечал Турн. – Они у тебя перед глазами.

Устроившись на высокой дюне у края лагеря, Рорк и его учитель наблюдали, как анты устраивают воинские забавы. Недаром Браги говорил, что анты – крепкие воины. В поход отправился весь цвет словенского воинства, пятьсот пеших и конных воинов. Как водится у словен, всей ратью командовал Горазд, старший из княжичей, и он же возглавлял конную дружину в сто человек. Пешими охотниками командовал Ведмежич, а лучниками-лесовиками – Первуд. Ярыцы⁸⁰ у словен были всякие, но больше всего рогатины с граненым или плоским оружном⁸¹ в локоть длиной, с какими ходили на медведя, топоры, ножи засапожные и запашные. Лучники словен, о которых с восхищением говорил Браги, были вооружены клееными деревянными и хазарскими роговыми луками, из которых они урму⁸² били в глаз за пятьдесят шагов. Железный доспех, мечи и шлемы водились лишь у княжьих гридней,

⁷⁹ Фении – ирландские воины-дружинники.

⁸⁰ Ярыцы – вооружение.

⁸¹ Оружно – наконечник копья.

⁸² Урма – белка.

у прочих оборонительного доспеха не было – только щиты из турьих кож, юшманы⁸³ самодельные, а то и просто сосновые доски, повязанные ремнями на грудь. Браги велел приготовить для антов щиты, свозить в лагерь трофейное оружие, особенно кольчуги и шлемы, а заодно приставил к словенам своих воинов, чтобы подучить антов.

– Крепкие воины анты, сильные и храбрые, но одной силы и отваги мало, – заметил Турн. – Только лучники у словен отменные, не хуже англов, но пехота рыхлая, строй не держит, потопчет ее конница враз. А уж вершники⁸⁴ – гридни совсем плохи, мечами машут, будто палками, и с лошадьми плохо управляют. А самое скверное, что они в бой идут каждый сам по себе, не думая, что рядом с тобой другие воины идут на смерть. Так только сам смерть найдешь и других под нее подведешь.

– Как же правильно в бой идти? – спросил Рорк, которого слегка покорила прямота кузнеца.

– В строю. Князья должны научиться управлять войском, чтобы знал каждый воин, как и когда ему действовать нужно – наступать, назад отходить или ждать терпеливо. Иначе войско собьется в стадо могучих, но бестолковых быков.

Рорк слушал, дивился мудрости Турна и своему неведению. Так и проходили день за днем в беседах и упражнениях с оружием.

Между тем минул Мартынов день, погода совсем испортилась. Со стороны моря ветер приносил свинцовые тучи, сырой ветер и снег. Браги коротал время за пирами и беседами со своими ярлами, княжичами и теми из готов, что приходили в лагерь северян и просились в союзное войско.

Так, в один из дней в норманнский лагерь прибыл маркграф Винифред Леве с двумя своими вассалами – Сватхильдом и Мейдором – и двумя сотнями пехоты и конницы. Отец Бродерик сказал Браги, что маркграф Винифред пытался сопротивляться Аргальфу поначалу, но потом счел разумным уйти в земли, неподвластные банпорскому королю.

Браги равнодушно хмыкнул в ответ на такую аттестацию, но гостей принял с почетом.

Долговязый, костлявый и надменный маркграф оказался словоохотливым собеседником. Свои дары для Браги – посеребренный шлем очень тонкой работы и золотую цепь с иконами святых – Винифред Леве дополнил очень лестной речью, чем вызвал благосклонность ярлов. Всех, кроме Браги. Рыжая Башка лишь выпятил челюсть так, что его огненная борода встала торчком – это был дурной знак.

– Ты воин, а не скальд, – перебил он маркграфа, – к чему пустые славословия? Лучше скажи нам, видел ли ты в бою ансгримских рыцарей.

– Видел, достойный ярл. – Винифред Леве освежил свою память хорошим глотком душистого меда, заговорил. Да, ему приходилось встречаться в бою с этими порождениями ада. Знает ли достойный ярл, что рыцари Ансгрима вызывают слепой ужас у всякого, кто их увидит? Их слава летит впереди них. Они неуязвимы для любого оружия, а их удары неотразимы. Никто не может противостоять им в бою. Самые славные рыцари Готеланда сразились с ними, но пали, даже не успев понять, что их убили. Верно, сам дьявол даровал своим исчадиям такую ловкость и такое умение владеть оружием. Дьявол и послал их служить Аргальфу, ибо всякий знает, что Аргальф – сам Зверь, посланный на землю.

Браги усмехнулся, сделал нетерпеливый жест: мол, знаю я все эти небылицы. Однако прочие ярлы, казалось, были под впечатлением от рассказа маркграфа.

– Ты встречался с ними в бою, не так ли, благородный гость? – спросил Браги. – Почему же ты остался жив?

Маркграф растерялся. Он не ожидал такого вопроса.

⁸³ Юшман – панцирь из кожи с металлическими пластинками.

⁸⁴ Вершник – всадник.

– Позорно ли бежать от молнии, от топора, от стаи бешеных волков? – сказал он после неловкого молчания. – Мне удалось бегством спасти свою жизнь, но в этом нет позора. Мои бароны тоже видели их в бою. Мейдор, расскажите, что вы видели!

Сватхильд и Мейдор в нескольких фразах рассказали о том, как им пришлось встретиться с ансгримцами. Отец Бродерик крестился и шептал молитвы, а у Браги губы все шире и шире расплывались в улыбке.

– Сам Один ссорит и мирит воинов, – сказал он. – Если Один хочет, чтобы мы встретили ансгримцев в бою, мы примем вызов, чтобы не прослыть трусами. Каждый из нас умрет только один раз. Не так ли, братья?

– Примем вызов! – воскликнул Ринг. – И пусть сдохнут Аргальф и его рыцари!

– Погибшего ждет Вальгалла, – заметил Вортганг. – Я уже стар и охотно умру в бою. Я не боюсь этих воинов, пусть даже они из дикой охоты самого Одина.

– Сразимся! – сказал Эймунд.

– Я готов! – поддержал Хакан Инглинг.

Словенские княжичи кивками поддержали своих норманнских товарищей.

– Ты готов драться с рыцарями Ансгрима, граф Винифред? – спросил Браги.

– Это все равно, что драться с самим дьяволом, – осторожно ответил маркграф, понимая, что неверный ответ может окончательно погубить в глазах норманнского ярла его репутацию, – но мы готовы идти в бой.

– Вот! – Браги хлопнул себя по бедру. – Отец Бродерик, вот и ответ на твой вопрос, почему я не хочу креститься. Иисус Христос лишил вас воинской отваги. Вы боитесь каких-то семерых воинов только потому, что они служат вашему злему богу Дьяволу. Вы называете Аргальфа зверем и боитесь его. Боязнь перед темными силами лишает вас мужества. Мои ярлы тоже боятся, я знаю. Но мы не боимся умереть. Мы берем мечи и деремся с врагом, будь это люди из плоти и крови, призраки или утбурды.⁸⁵ Мы знаем, что смерть в бою принесет нам вечное блаженство, и скальды будут вспоминать наше мужество в своих песнях! Клянусь Одином, вот лучшая участь и лучшая награда!

– Во имя Одина, ты хорошо сказал! – воскликнул Вортганг.

– Мы будем сражаться, – повторил Железная Башка. – В конном поприще отсюда есть городок Целем. Там сейчас собрались наемники, которых мы разбили под Алеаварисом. Вортганг, возьми сто пятьдесят человек и отправись туда. Будешь следить за врагом. Нужно, чтобы норманнский волк все время насадал на это стадо свиней и рвал клочья из их окороков. Если маркграф не боится драться с Аргальфом, я предлагаю ему присоединиться со своими людьми к Вортгангу.

Отец Бродерик перевел слова ярла. Глаза старого маркграфа засверкали от нестерпимого гнева и обиды. Даже привычные ко всему ярлы посмотрели на Браги с удивлением: не так в их разумении следовало бы говорить с союзником. Но старший Ульвассон был спокоен и невозмутим. Он лишь безучастно следил за тем, как маркграф и его бароны спешно покинули его шатер.

– Ты был груб с ними, отец, – заметил Ринг.

– Не терплю трусов, – только и сказал Браги и велел слугам подавать ужин.

Сколь прекрасна была королева Ингеборг, столь и отважна. Зайферту с большим трудом удалось уговорить ее соблюсти меры предосторожности. Все дорогие одежды и драгоценности были оставлены, на смену бархату, дама⁸⁶ и виссону пришли дерюга и сыромятная кожа. Юные меченоши Зайферта простились со своими щегольскими пелизонами, служанка

⁸⁵ Утбурд – у скандинавов злой дух.

⁸⁶ Дама – узорчатая шелковая ткань.

Ингеборг, как и сама королева, облачилась в мужское платье. Теперь свита королевы Готеланда по виду ничем не отличалась от любой из наемничьих ватаг, рыскавших по дорогам.

Отряд выехал из Балиарата ночью, когда принцесса Аманда уже спала. Зайферт оставил с девочкой десять лучших своих бойцов, еще четверых во главе с Рогериусом послал вперед разведать дорогу. До Луэндалля было двести лиг, и большая часть пути проходила по местам, где вольготно шастали мародеры и наемники Аргальфа. У Зайферта было пятнадцать человек, все искусные и опытные бойцы, но никакое искусство не поможет, если придется столкнуться с ватагой в сотню головорезов. Зайферт смутно чувствовал, что королева знает об этом, пытался шутить.

– Видите, ваше величество, этих молодцов? – говорил он, показывая Ингеборг на своих людей. – Клянусь омофором святого Патрония, что хранится в Ахенской капелле, таких воинов не сыщешь нигде. Рожи у них разбойничьи, но дело свое они знают. Вон тот смуглый – Коршун, во всем мире не сыскать ему равного в бою на секирах. Толстяк с красным лицом получил христианское имя Матфея, но все зовут его Ханзи – верьте, не верьте, но железные тесаки он завязывает узлом. Вон того крепыша зовут Готтшалк Вырви Глаз: однажды он спас мне жизнь, зарубив притом пятерых саксов... Вы не слушаете меня, ваше величество?

– Слушаю, граф, – отвечала Ингеборг, думая о своем.

Первый день не принес никаких опасных встреч. Дорога была пустынна. Местные жители принимали отряд королевы за наемников и спешили убраться с дороги. Это было хорошо, маскарад удался. Однако заезжать в деревни было опасно. Поэтому, проделав за день двадцать лиг, на ночлег остановились в развалинах старой римской крепости между Морейским лесом и обширными трясынами, примыкавшими к тракту с юга. Место было зловещее, но выбора не было.

Еще до наступления темноты воины разыскали среди руин место, где можно было поставить походный шатер из серого войлока для королевы – когда-то предки жили в таких шатрах всю жизнь, не зная ни каменных, ни деревянных строений. Коней завели в каменную ограду крепости, стреножили и освободили от поклажи. Огонь по приказу Зайферта развели только в жаровнях, чтобы не было заметного пламени. Кольчуг, шлемов и кожаных панцирей его воины снимать не стали на случай внезапного нападения.

После целого дня, проведенного в седле, королева валилась с ног от усталости. Седло сильно натерло ей бедра, все мышцы нестерпимо болели и даже начался жар. Обеспокоенный Зайферт позвал Герберта.

– Ничего страшного, – сказал Герберт, осмотрев королеву и проверив ее пульс. – Ее величество долго сидела взаперти и отвыкла от длительных прогулок на свежем воздухе. Бокал горячего вина с пряностями прогонит недомогание.

– Вы ученый человек, – сказала Ингеборг.

– Увы, ваше величество, война лишила меня удовольствия и дальше наслаждаться познанием.

– Вы монах, а не купец.

– И это правда. Монастырь, в котором я принял постриг, сожгли эти слуги сатаны, и я стал бездомным нищим, чудом избежавшим смерти.

– Если вы монах, то должны знать, почему короля Аргальфа называют Зверем?

– Он язычник и отрицает Спасителя, ваше величество.

– Нет-нет, я тоже была язычницей, когда приехала в эту страну.

– Аргальф противостоит Богу, потому что природа его – природа нечеловеческая. Отец Аргальфа, король Эдолф, женился когда-то на женщине, неизвестно откуда появившейся в его землях. Эдолф был молод и горяч, а незнакомка была на заглядение красива. Но после свадьбы счастливый супруг заметил, что его жена ведет себя весьма странно. Королева обожала охоту и целыми днями могла пропадать в лесах, всегда возвращалась с богатой добы-

чей. Однажды ночью король проснулся и не обнаружил своей супруги: после недолгих поисков он нашел ее в конюшне, где королева, прокусив вену на плече одной из лошадей, пила кровь. Увидев мужа, эта женщина бросилась бежать, и Эдолф смог ее догнать. Утром он ничего не мог от нее узнать – королева все отрицала. Эдолф любил ее и не стал передавать в руки суда, который, несомненно, приговорил бы ее к смерти, как ведьму. К тому же королева сообщила мужу, что находится в тягости. Эдолф так обрадовался, что поклялся любить свою жену и ребенка, что бы ни случилось в будущем.

Время шло, и зловещая тень все больше и больше падала на королеву. Ее отлучки из замка совпадали с нападениями на скот и людей, а многие жители королевства клялись, что видели огромную черную волчицу, которая совершенно не боялась людей и порой даже заходила в села. Охотники ничего не могли поделать, ибо Эдолф, окончательно одержимый злой силой, издал закон, запрещающий охоту на волков. Он пригрозил, что будет наказывать смертью за клевету о его жене. Банпорцы жалели своего короля и потому терпели.

Все кончилось в тот день, когда Эдолф неожиданно умер – полагали, что от яда. Узнав об этом, народ вооружился и ворвался в замок. Королеву не убили только потому, что она была на седьмом месяце беременности: ее посадили в башню и кормили отбросами. После рождения ребенка вдову короля Эдолфа судили и именем Христовым приговорили к сожжению. Ребенка взял себе епископ Гато – тот самый, который за свои чудовищные преступления был позже заживо съеден полчищами мышей...

Герберт разговорился. Давно уже ему не приходилось вести лекции, как это случалось в монастыре, и теперь бывший библиотекарь наслаждался собственным рассказом. Ингеборг слушала внимательно: те чувства, которые рождал в ней рассказ Герберта, красноречиво отражали ее глаза.

– Воспитанник Гато вполне усвоил нрав своего воспитателя, – назидательным тоном продолжал Герберт, – к тому же само имя Христа ему было ненавистно. Пока Аргальф правил в Банпоре, только его собственные подданные могли оценить все прелести его правления. Нет, Аргальф не был жестоким выродком, которого радуют мучения других. Просто он поощрял в людях самые низменные страсти. Людям это нравилось – ведь Аргальф освобождал их от заповедей Господа нашего. Изучая запретные книги, Аргальф узнал, что на острове Ансгрим еще во времена кельтов черные колдуны погрузили в сон королей: перед Концом времен они проснутся и захватят все земли на восход солнца. Аргальф отправился на этот остров, отыскал гробницу и пробудил королей-воителей – теперь они служат ему. Несметные сокровища королей Ансгрима также достались Аргальфу: недаром он так щедро платит всем, кто служит ему.

– Все это ужасно! – воскликнула Ингеборг. – Я много не знала об Аргальфе. Отец Бродерик старался не говорить о нем.

– Отец Бродерик знает много больше, чем я.

– Значит ли это, что вы не сможете ответить на вопрос, на который мне не смог ответить отец Бродерик?

– Об исходе войны? Я не знаю его.

– А святой Адмонт?

Герберт задумался.

– Возможно, – ответил он после долгой паузы.

Ингеборг откинулась на подушку. Вот оно, страшное, мучительное незнание! Больше года идет война на земле Готеланда, все уже, кажется, потеряно и нет никакой надежды, кроме упований на остроту и крепость норманнских мечей. И в этом кровавом споре света и тьмы Ингеборг, хочет она того, или не хочет, становится заложницей. И не только она – ее дочка, ее последняя радость, родная душа, за которую она, не колеблясь, отдаст и Готеланд, и всю Скандинавию, и всю жизнь, потому что не может иначе, – ее Аманда стала вместе с

матерью единственной надеждой целой страны. Убьют их, уйдут из Готеланда норманны, которым больше некого и нечего будет защищать. А ведь Ингеборг чувствовала, что мало в ней осталось от той юной северянки, которая двадцать лет назад стала женой короля Гензерика, уже немолодого: ей было четырнадцать, ему – сорок восемь. Она была красива, свежа, мечтала о любви; он был обременен годами, болезнями, заботами о государстве и примирении шести своих сыновей от первых двух жен, которые все время враждовали друг с другом. После свадьбы муж не прикасался к ней восемь месяцев. Ингеборг молча страдала, никому не говоря о своем несчастье. Гензерик заставлял ее на супружеском ложе делать вещи, которые она всегда вспоминала с омерзением. Он был слаб, его кровь остыла, мужская сила угасала, и он возбуждал ее отварами, но толку было мало. Чтобы разжечь любовный пламень в своей холодеющей крови, Гензерик приказывал молодым парам соединяться на глазах короля и королевы, но потом он был ничтожен, оставляя свою юную распаленную виденным жену без утolenия страсти. Эта чудовищная пытка продолжалась два года.

Потом она стала вдовой. Ее супруг умер глупо и бесславно: напился на пиру и ночью захлебнулся собственной блевотиной. Ингеборг надела траур, но сердце ее ликовало. Теперь она была королевой Готеланда, и ложе ее было свободно. Народ и знать любили ее, а не вечно пьяных и жестоких сыновей Гензерика. Лишь старший из всех родственников покойного короля, его тридцатисемилетний племянник Эрманарих, сильный и хладнокровный, мог защитить Ингеборг в развернувшейся династической борьбе. Она сделала выбор, и Эрманарих стал ее любовником. Впервые она поняла, что такое любовь, и за такое счастье она была готова бороться со всем светом. Но Эрманарих был христианином, а она – язычницей. Предстоял выбор – соединиться с Эрманарихом или остаться верной родительским богам. Она выбрала. В ее воображении христианский Бог имел лицо ее любимого.

Война за престол шла шесть лет. Впрочем, войной это было трудно назвать – просто сыновья Гензерика поочередно ездили то к римскому папе, то к соседям, прося признать их права на престол. Но закон говорил ясно: «Старший из родичей короля да взойдет на престол». Не сыновей – родичей. Эрманарих был старшим. Так Ингеборг осталась королевой. Тогда ее пасынки начали подбивать знать на мятеж. Эрманарих упредил заговорщиков. Один из двоюродных братьев нового короля внезапно умер, отравившись грибами, второй утонул, третьего смерть настигла в тот момент, когда он развлекался в компании шлюх. Просто вошел некто и вонзил кинжал королевскому сыну в то место, где соединяются шея и голова. Убийцу так и не нашли. Испуганные этой чередой смертей, трое уцелевших сыновей Гензерика присягнули новым королю и королеве. Так закончилась борьба за трон Готеланда, в меру подлая, в меру кровавая, в меру отвратительная, как и любая борьба за власть.

И вот уже почти двадцать лет она королева готов. Ей всего тридцать четыре, но сколько уже пережито! Три года она была женой Гензерика, десять лет женой Эрманариха. Норманнское прошлое стало воспоминанием из какой-то невыразительно далекой жизни, в которой она была другой Ингеборг. Цепь разорвана, и соединить звенья больше нельзя. Лишь ее языческое имя и та чистая синева глаз, о которой так льстиво пели ей придворные тулы и которую нечасто встретишь в Готеланде, напоминают о той прошлой жизни. И то главное, что осталось в ее жизни после смерти Эрманариха – маленькая Аманда, – разве она нормандка?

Как тяжело, как больно, как неизбежно вращаться корнями в землю, не удобренную священным прахом предков! Но пытаться обрубить уже вросшие корни не менее тяжело...

Ингеборг задремала, Герберт бесшумно выскользнул из шатра, присоединился к воинам у жаровни. Высоко над головой в черноте зимнего неба мчались тяжелые, несущие снег тучи, и волны холодного ветра раздували угли в жаровне.

– Сегодня на дороге никого не встретить, – говорил Рогериус, жаря над углями кусок мяса, насаженный на острие стилета. – Мы проехали несколько деревень – там остались только дряхлые старики. Словно моровая язва здесь прошла. Все ждут чего-то страшного.

– Его милость граф опасается измены, – заметил другой воин. – Такого озабоченного лица я у него давно не видел.

– Посмотрел бы я на тебя, Готтшалк, будь ты на его месте! Сопровождать саму королеву – это тебе не шутки.

– А я рад, что мы не взяли с собой принцессу, – произнес Рогериус. – Такая дорога не для маленького ребенка. Да еще холод крепчает.

– Клянусь святой Фридесвитой, таких морозов давно не было!

– В этих ледяных ночах есть что-то особенное, – заговорил Герберт словно сам с собой. – Я шел и шел, и вокруг меня были мертвецы. Меня окружало безмолвие. Кроме вороного карканья и волчьего воя не слышал других звуков. Но когда мороз становился крепче, и воздух мутнел от ледяной пыли, я отчетливо слышал голоса. Я слышал крики душ, которые так и не обрели покоя... – Герберт поднял глаза на помертвевшие от страха лица воинов. – Это окончание жизни. По этим обледенелым пустым равнинам бродит сама Смерть.

– Ах, чтоб тебя! – Рогериус плюнул прямо на угли. – Пугаешь нас, сукин сын!

Но Герберт не слушал его. Лицо его вытянулось, глаза подернулись пленкой ужаса.

– Вот, слышите? – сдавленным голосом прошептал он. – Они идут!

Вскочили на ноги воины, оруженосцы, вслушиваясь в ночь, но тишину нарушали лишь всхлипывания ветра. Рогериус в ярости схватился за плетъ, но тут налетел новый порыв ветра, трепля одежду, выдувая искры.

Герберт бросился бежать вниз, по склону холма. Воины похватали оружие. Из глубин ночи пришел какой-то непонятный гул, будто ночной ветер вздумал играть на огромном барабане. То, что услышал Герберт, теперь слышали все.

– Дикая охота! – вдруг с хохотом выкрикнул Рогериус. – Будь я проклят, это дикая охота!

В приближающемся тяжелом гуле уже отчетливо можно было различить топот множества коней и лязг железа.

III

Камень был странный и притягивающий к себе – таких Рорк никогда прежде не видел. Он был желтый и прозрачный, будто кусок затвердевшего меда и странно теплый – даже в мороз. Его подарило Рорку море: гуляя по берегу, молодой воин неожиданно проломил, наступив, тонкую корку льда у берега, и нога до колена ушла в ледяную воду. Загадочный золотистый камень оказался вместе с песком в сапоге Рорка.

– Этот самоцвет мне знаком, – сказал Турн, – говорят, он ценится у ромеев, они зовут его электроном. Этот камень послали тебе боги – оставь его на память.

В тот день Турн особенно долго и тщательно обучал Рорка. Остался доволен, особенно когда определил по следам, что его ученик ни разу не вышел из очерченного на земле круга, парируя хитроумные атаки учителя.

– Ты прирожденный воин, – сказал он. – Говорю так, потому что знаю: в лесу тебя некому было учить искусству боя.

– Отчего же? – улыбнулся Рорк. – Мать учила меня обращаться с рогатиной и луком, а звери учили сражаться.

– Неужто?

– У каждого зверя свой характер, – отвечал Рорк. – Вепрь бросается вперед с отчаянным мужеством, он силен и свиреп, и его клыки наносят страшные раны. Но вепрь глуп, и действия его легко предсказать, а от бросков – легко увернуться. Медведь обладает силой и живучестью и гораздо умнее вепри, но он не любит нападать первым, да к тому же неповоротлив и трусоват. Рысь хитра и коварна, нападает внезапно и молниеносно и в свирепости своей страшно терзает жертву, однако никогда не выбирает себе жертву, равную по силе, и всегда нападает на тех, кто слабее ее. Волк редко атакует один, сила волка в поддержке стаи.

– Ты хорошо заметил все это, и тут с тобой трудно спорить. А теперь представь, что и люди похожи на зверей, о которых ты говорил. Люди-вепри лезут в любую драку очертя голову и не думают о том, что будет потом – это отважные, но недалекие воины. Люди-медведи сражаются, защищаясь: они не любят распри, но в бою ими овладевает бешенство, и горе тогда их врагу! Человек-рысь кровожаден, труслив и подл: такие предпочитают предательские нападения, удары в спину, избегают прямого боя, особенно с теми, кто способен постоять за себя. Ну а волки... У моего народа волк – священное животное. Волка почитают за храбрость, любовь к свободе, самоотверженность в защите потомства.

– Ты всем это говоришь или только мне сказал? – усмехнулся Рорк.

– Я не верю тому, что про тебя болтают твои земляки.

– Однако никто не может им запретить говорить обо мне.

Турн ничего не сказал в ответ. Чем дольше затягивалось ожидание, установившееся в лагере союзников, тем чаще заходил разговор о Рорке. Княжичи боялись и ненавидели своего племянника. На каждом совете вождей разговор заходил о «проклятом». Браги терял терпение. Настырность антов и упрямство старого ярла все время испытывали друг друга на прочность. Пока побеждало упрямство Железной Башки. Но и Горазд, наиболее враждебно настроенный к Рорку, не унимался.

Рорк оказался удобным предлогом. С уходом из лагеря дружины Вортганга и союзных готов остальные ярлы и княжичи почувствовали себя обделенными. Планы Браги становились непонятными, стало раздражать непонятное бездействие. Чего ждал старый Ульвасон? Поддержки всего Готеланда, тайных знаков от богов, чего-то еще? Браги не говорил об этом. Он лишь усилил дозоры на подступах к стану и постоянно говорил о скором выступлении. Однако дни шли вскую, без всяких изменений. Браги и сам чувствовал, что бездействие затянулось – припасы подходили к концу, воины начинали глухо роптать. Почти две

недели минуло с момента высадки на готском побережье – и ничего, никаких событий, кроме боя под Алеаварисом, в котором опять-таки участвовала лишь немногочисленная дружина Вортганга. Это не нравилось воинственным ярлам, и все они, кроме Ринга, раздраженно говорили о том, что никогда еще поход не начинался так нелепо.

Браги не пытался их переубедить. Он не открывал своих тайных мыслей, поскольку тревога все больше овладевала Железной Башкой. Он был бесшабашным головорезом на словах, но хитрым и осторожным стратегом в душе – именно потому он обрел свою славу непобедимого Браги. Век норманнских разбойников был короток, мало кто мог похвастать таким количеством походов, как у Браги Ульвассона. Вот и сейчас осторожная душа ярла чувствовала опасность. Это чувство заставляло ждать, укреплять лагерь, обучать лесовиков-антов, не торопиться. Привычная тактика викингов в Готеланде не подходила – слишком необычен был противостоящий им враг. Деятельному и горячему Браги больше других опротивело ожидание, но по-другому было нельзя. Ярлы смутно понимали правоту своего предводителя, потому лишь беззлобно ворчали. Анты вели себя по-иному. Они шли в поход за славой и богатством, а получили только долгие упражнения оружием, высокомерно-снисходительное обращение варягов и тоскливое и нудное течение времени в периметре деревянных стен лагеря. Княжичам еще меньше были понятны мотивы Браги. Воинский опыт был и у Горазда, и у Первуда, и у Ведмежича, но раньше они имели дело с врагом, против которого следовало действовать быстро, без затяжек времени. Помедли хоть немного – и исчезнет свирепая мордва в вековых лесах, как в воду канет, растают призраками в безбрежной степи хазары, оставив лишь конские следы, кострища и трупы пленных. Иного воинского опыта княжичи не имели, и он в их понимании был лучшим, единственно годным на войне. Но перечить воинственному строю княжичи не смели, потому и обрушились на Рорка, тем паче, что к последнему из ярлов только Хакан Инглинг относился с симпатией, кроме, конечно, самого Браги. Железная Башка был вынужден более не приглашать Рорка на совет вождей похода...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.